

На правах рукописи

Галиуллина Гульшат Раисовна

**ТАТАРСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2009

Работа выполнена на кафедре современного татарского языка ГОУ ВПО
«Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Саттаров Гумар Фаизович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Гарифуллин Васил Загитович

доктор филологических наук, профессор
Юсупов Рузаль Абдуллазянович

доктор филологических наук, профессор
Корнилов Геннадий Емельянович

Ведущая организация: **Институт языка, литературы и
искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ**

Защита состоится 2 апреля 2009 г. в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.081.12 по присуждению ученой степени
доктора филологических наук в Казанском государственном университете
им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская,
д. 18, корп. 2, ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лоба-
чевского Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-
Ленина.

Автореферат разослан «_____» февраля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Ш. Юсупова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В современной лингвистической науке одним из быстро развивающихся и ведущих направлений является лингвокультурология, основная цель которой – изучение взаимосвязи языка и культуры. Исследования в области лингвистики конца XX века позволили сделать вывод о том, что язык вырастает из культуры и выражает ее. Язык одновременно является и средством создания, развития, хранения национальной нематериальной культуры, и ее частью, так как с помощью языка рождаются реальные, объективно существующие произведения духовной культуры.

Исследователи культуры по-разному трактуют само понятие «культура», но центральная роль во многих исследованиях отводится личности – носителю национальной картины мира, потому что языковые знаки способны отображать культурно-национальную ментальность людей. Культура динамична, постоянно развивается, трансформируется, вместе с ней меняется язык, его возможности выражения. Носители языка формируют свое видение мира в рамках закрепленного в речевых понятиях опыта языковых предков, который зафиксирован в преданиях, легендах, фольклорном материале, в собственных именах.

Особое место в рамках лингвокультурологической проблематики занимает исследование антропонимической системы определенного языка во взаимосвязи собственных имен и культуры. Такая тенденция связана с антропоцентрической парадигмой современной лингвистики, предполагающей анализ языковых единиц с целью познания их носителя. Как известно, антропонимы являются наиболее культураносными знаками, что обусловлено их междисциплинарным характером. Антропонимическая система любого языка является фундаментальным материалом для познания, раскрытия самосознания народа, для понимания психологии и характеров людей, относящихся к определенной национальности или региону. По причине того, что антропоним имеет сложную природу, зависит от культурного и социального контекста эпохи, что особенно заметно в переломные периоды развития общества, данная лексическая единица не может быть исследована с чисто лингвистической позиции, поэтому антропонимы являются объектом исследования когнитивной лингвистики. Имя, прежде всего, – хранитель культурной информации народа, которая формируется под воздействием различных, в том числе экстралингвистических, факторов. Более того, оно связано с восприятием мира и определенным образом отражает его познание. В этом плане представляет особый интерес изучение антропонимикона тюркоязычных народов, система личных имен которых в процессе исторического прогресса не

подвергалась фронтальному изменению под влиянием историко-культурных, социальных факторов, а сохранила древние традиции имяназвания.

Учитывая специфику антропонимической лексики, полную зависимость ее появления и существования от культурных традиций татарского народа и социума, нужно отметить, что созрела необходимость поиска новых подходов для исследования данной лексики. Указанными положениями обусловлен выбор темы данного исследования. **Актуальность определяется:** 1) прогрессирующим развитием диалога культур и общей тенденцией развития лингвистики, которая от простого описания языковых явлений переходит к выявлению их сущностной природы; 2) недостаточностью в татарской лингвистической науке теоретической базы лингвокультурного исследования языка и, в особенности, антропонимической системы; 3) отсутствием работ, рассматривающих антропонимикон татарского языка в синтезе культурных, лингвистических и социальных факторов с позиции лингвокультурологии, с учетом имеющихся культурных контекстов.

Объектом исследования является антропонимия татарского языка.

Предметом изучения выступают ее лингвокультурологические характеристики, закрепленные в семантике и в структуре антропонимов татарского языка.

В основу исследования положена следующая **гипотеза**: татарская антропонимия представляет синтез тюрко-татарской, восточной, русской и европейской лингвокультурных традиций и развивается, трансформируясь под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, по тем традициям, которые заложены в древнетюркском имяназвании. Культура татарского народа имеет симбиотический характер: основывается на тюркских традициях, вобрала в себя элементы исламской культуры, испытывает сильное влияние запада через русскую культуру. Такой характер культуры непосредственно отражается в семиотических знаках языка.

Основная цель работы состоит в комплексном изучении антропонимикона татарского языка в лингвокультурном контексте.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) разработать лингвокультурную модель комплексного описания антропонимического пространства татарского языка;
- 2) показать национальную специфику мировидения национальной личности, отраженную в антропонимических единицах;
- 3) выявить основные культурно-исторические периоды, которые повлияли на развитие и трансформацию антропонимической системы;
- 4) выделить ключевые языковые и культурные элементы, которые проникли в антропонимическую систему из других культур;

5) рассмотреть основные причины, повлиявшие на изменение состава татарского антропонимикона;

6) описать современное состояние антропонимии татарского языка;

7) определить специфику национального восприятия действительности и особенностей ее отражения в языковых средствах.

В соответствии с характером и объемом изучаемого материала использован комплекс лингвистических, лингвокультурологических и социолингвистических **методов и приемов**.

Основным методом исследования является *описательный метод*, который включает в себя такие приемы, как изучение фактического материала, обобщение, интерпретация и классификация.

При сравнительном анализе функционирования антропонимических единиц на различных этапах развития антропонимикона татар, а так же для типологической характеристики антропонимической лексики татарского и ряда других тюркских языков использовался *сопоставительный метод*.

Сравнительно-исторический метод применялся при выявлении изменений структуры и состава антропонимикона, происходящих за различные периоды времени, при определении генетической принадлежности антропонимической лексики.

С целью выявления объективно существующих закономерностей развития антропонимической системы, для получения более подробной картины функционирования антропонимии татарского языка, наблюдения ее статики и динамики применялся *статистический метод*.

Метод сбора социолингвистических данных помог при получении информации из метрических записей и других источников, которые были в дальнейшем интерпретированы нами в социолингвистическом аспекте.

При описании репрезентации культуры в антропонимических единицах, кроме методов структурной лингвистики, использовались приемы *герменевтического и семиотического методов, фреймовый анализ*.

Использовались отдельные приемы *психолингвистического метода* при выявлении мировоззрения имядателя, отраженного в именах.

Изучение материала осуществлялось прежде всего методами *синхронного анализа*, который при описании изменения состава и структуры антропонимии дополнялся *диахроническим анализом*.

Научная новизна состоит в разработке теоретико-методологических основ исследования национального антропонимикона в лингвокультурологическом аспекте. В работе впервые антропонимия татарского языка рассматривается с позиции языковой национальной личности с привлечением лингвистических, социально-культурных и исторических фактов. В диссертационной работе выявлены узловые моменты проявления национально-культурной специфики татарской антропонимии, рассмотрены

языковая семантическая характеристика антропонимической лексики татарского языка и ее культурный статус, указаны способы организации мышления, приведшие к возникновению и распространению антропонимической лексики. В связи с недостаточной разработанностью семантического аспекта лексической системы татарского языка в сопоставительном аспекте рассматривается семантический потенциал нарицательной и антропонимической лексики, специфика функционирования антропонимов в прямом и окказиональном значениях.

Степень изученности. В лингвистической науке основные концепции лингвокультурологии были заложены работами В.Гумбольдта, А.А.Потебни, Э.Сепира, Б.Л.Уорфа и других. В отечественной лингвистике роль языка в процессе изучения культурного прошлого народа освещалась в трудах К.С.Аксакова и, чуть позже, Н.П.Некрасова, Ф.Ф.Фортунатова, А.А.Шахматова, Н.И.Кареева, В.Н.Телия, Ю.С.Степанова, А.Д.Арутюновой, В.В.Воробьева, В.Шаклеина, Н.И.Толстого, В.А.Масловой, Р.Р.Замалетдинова, Р.Х.Хайруллиной и других.

В изучение тюркской антропонимики весомый вклад внесли работы Г.Ф.Миллера, В.В.Радлова, В.В.Бартольда, Н.А.Аристова, В.К.Магницкого, Н.И.Золотницкого, Ш.Марджани, Н.И.Березина, К.Насыри, Н.И.Ашмарина, В.А.Гордлевского, А.Н.Самойловича, С.Е.Малова, Н.К.Дмитриева, В.А.Никонова, Г.Р.Алиева, Н.А.Баскакова, Г.Ф.Благовой, В.У.Махпирова, Э.Л.Бегматова, Т.М.Гарипова, А.Г.Гафурова, А.В.Суперанской, Г.Ф.Саттарова, Т.Ж.Жанузакова, Ж.Жапарова, С.К.Кенесбаева, Т.К.Кусимовой, О.Т.Молчановой, З.Г.Ураксина, Г.Е.Корнилова, Н.И.Егорова, А.Г.Шайхулова, И.А.Андреевой, Г.В.Косточакова, З.Р.Жаненовой, Г.И.Кульдеевой, К.А.Ниембаевой и других.

Исследования, посвященные вопросам татарской антропонимики, изложены в работах Г.Ф.Саттарова, А.Г.Шайхулова, Г.В.Юсупова, М.И.Ахметзянова, Р.Х.Субаевой, М.А.Залялиевой, Ф.М.Куприяновой, Ф.Л.Мазитовой, Г.Р.Галиуллиной, Ф.Г.Вагаповой, Г.К.Тимкановой и других.

Современных лингвистов-ономатологов все больше привлекают вопросы взаимосвязи ономастической, в частности антропонимической, лексики и культуры народа. В связи с этим в конце XX века появилось большое количество работ, в которых антропонимы исследуются в контексте культуры. Теоретические основы новых исследований заложены в работах В.А.Никонова, А.В.Суперанской, Н.В.Подольской, Л.А.Введенской, В.И.Супруна, Э.М.Мурзаева, М.Э.Рут, С.Н.Смольникова, М.В.Голомидовой и других. Выявление и объяснение специфики языковых картин мира отражены в работах Г.Ф.Благовой, Т.В.Топоровой, Г.Ф.Саттарова, В.У.Махпирова, Н.И.Толстого, Е.И.Убрятовой, С.М.Толстой, М.В.Горбаневского,

Ю.А.Карпенко, И.Э.Ратниковой, Ю.А.Рылова, Д.И.Ермолович, Г.И.Кульдеевой, И.М.Ганжиной, И.А.Королева и других.

Несмотря на то, что в последнее время в отечественной и зарубежной лингвистике уделяется серьезное внимание на данную проблему, в татарском языкознании до настоящего времени отсутствуют работы, выполненные в рамках лингвокультурологии. Опубликованные ранее работы по тюрко-татарской антропонимии осуществлялись преимущественно в рамках традиционно-описательной лингвистики.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды исследователей, в которых раскрываются: взаимоотношения языка и культуры¹; природа антропонимической лексики²; специфика антропонимиконов тюркоязычных народов³; историческое описание периодов⁴.

¹ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д.Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 895 с.; Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / В.В.Бартольд; Подгот. к изд. С.Г.Кляшторный; Отв. ред. А.Н.Кононов. – Перепеч. с изд. 1966 г. – М.: Вост. лит., 2002. – 757 с.; Бартольд В.В. Работы по истории ислама и Арабского халифата / В.В.Бартольд; Подгот. к изд. А.Б.Халидовым; Отв. ред. И.Н.Винников. – Перепеч. с изд. 1968 г. – М.: Вост. лит., 2002. – 784 с.; Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы) / В.В.Воробьев. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 256 с.; Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В.Гумбольдт. Пер. с нем. под ред. и с предисл. Г.В.Рамишвили; Пер.: А.А.Алексеев и др.; Послесл. А.В.Гулыги и В.А.Звегинцева. – 2-е изд. – М.: Издат. группа «Прогресс», 2000. – 398 с.; Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом отражении / Р.Р.Замалетдинов. – Казань: Магариф, 2004. – 239 с.; Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В.Колшанский – М.: Наука, 1990. – 103 с.; Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А.Маслова. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.; Мечковская Н.Б. Язык и религия / Н.Б.Мечковская – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.; Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С.Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академ. проект, 2001. – 990 с.; Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

² Воробьев И.А. К вопросу о лексическом значении имен собственных / И.А.Воробьев // Актуальные проблемы лексикологии: Доклады лингвистической конференции. – Ч.1. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1971. – С.1-8; Лосев А.Ф. Философия имени / А.Ф.Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 270 с.; Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В.Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания / Н.В.Подольская. – М.: Наука, 1978. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. – 192 с.; Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А.Виноградова / А.А.Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 535 с.; Рут М.Э. Образная номинация в русском языке / М.Э.Рут. – Екатеринбург, 1992. – 148 с.; Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике / М.Э.Рут // Изд. Урал. гос. ун-та. – 2001 – №20 [Сер.] Гуманитарные науки. Вып. 4. – С.59-64; Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В.Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 365 с.; Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И.Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.; Толстой Н.И. Имя в контексте народной культуры / Н.И.Толстой // Язык о языке: Сб. статей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.101-111; Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные / Т.В.Топорова. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 254 с.; Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т.В.Топорова. – М.: Радикс, 1994. – 190 с.

³ Алиев Г.Р. Лингвистические и экстралингвистические факторы в антропонимии (на материале тюркских языков: азербайджанского, узбекского, казахского, киргизского, татарского и

Источники исследования. Основными источниками изучения антропонимов являются: 1. Метрические книги, которые извлечены из фондов Национального архива Республики Татарстан, по отделам ЗАГС Республики и Управления ЗАГС города Казани. Данные для статистического исследования до 1922 года были получены: по метрическим книгам Азимовской, Сенно-базарной, 3-й каменной, по второй мечети Старотатарской слободы, Усмановской, Ново-, Старо-, Малокаменной, Адмиралтейской слободы, мечетями порохового завода г. Казани, с 1922 года по настоящее время: по архивам ЗАГС Вахитовского района и Управления ЗАГС г. Казани. Выбор метрических книг в качестве основного источника объясняется тем, что именно они позволяют фиксировать каждое новое явление в антропонимической среде с соотнесенностью к месту и

башкирского): Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Г.Р.Алиев. – Алма-Ата, 1989. – 48 с.; Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» / Н.А.Баскаков; АН СССР, Ин-т языкознания; Отв.ред. А.Н.Кононов. – М.: Наука, 1985. – 207 с.; Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значение и этимология) / Н.А.Баскаков. // Советская этнография. – 1973. – №5. – С.1-5; Баскаков Н.А. Элемент GUL «роза, цветок» в составе каракалпакских имен / Н.А.Баскаков // Ономастика и норма. – М.: Наука, 1976. – С.138-143; Бегматов Э. Антропонимика узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.Бегматов. – Ташкент, 1965. – 26 с.; Благова Г.Ф. Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков / Г.Ф.Благова // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – С.660-754; Гафуров А.Г. Имя и история / А.Г.Гафуров. – М.: Наука, 1987. – 220 с.; Жанузаков Т.Ж. Лично-собственные имена в казахском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук / Т.Ж.Жанузаков. – Алма-Ата, 1969. – 28 с.; Махпиров В.У. Имена далеких предков / В.У.Махпиров. – Алматы: Ин-т востоковедения МН-АН РК, 1997. – 299 с.; Никонов В.А. Женские имена в России XVIII века / В.А.Никонов // Этнография имен. – М.: Наука, 1971. – С.120-141; Никонов В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.; Саттаров Г.Ф. Татарская ономастика и вопросы этногенеза / Г.Ф.Саттаров // Языки, духовная культура и история тюрков: история и современность. – Казань, 1992. – С.85-88; Саттаров Г.Ф. Татар антропонимикасы / Г.Ф.Саттаров. – Казан: Татар кит. нәшр., 1990. – 276 б.; Саттаров Г.Ф. Татарстан АССРның антропотопонимнары / Г.Ф.Саттаров. – Казан: КДУ нәшр. 1973. – 297 б.; Шайхулов А.Г. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения: Учеб. пособие / А.Г.Шайхулов. – Уфа: Изд-во Баш. ГУ, 1983. – 72 с.; Кульдеева Г.И. Антропонимическая система современного казахского языка / Г.И.Кульдеева. – Казань: Изд-во «ДАС», 2001. – 239 с.

⁴ Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа / Г.Давлетшин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 429 с.; Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма / С.Г.Кляшторный. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 560 с.; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии / С.Г.Кляшторный, Д.Г.Савинов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.; Махмутов М.И. Мир ислама / М.И.Махмутов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2006. – 616 с.; Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке / Р.М.Мухаметшин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 246 с.; Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. / М.А.Усманов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 222 с.; Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. / М.А.Усманов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 317 с.

времени, применить подсчеты, увидеть динамику в употреблении. В результате анализа было изучено 61 526 актов записей.

2. Материалы писцовых книг.

3. Периодические издания журналов «Казан утлары», «Мәғариф», «Татарстан» и газет «Ватаным Татарстан», «Шәһри Казан», «Мәдәни җомга», «Сабантуй».

4. Повествовательные источники: фольклорные тексты, легенды, предания и мифы татарского и других народов, татарские шежере.

5. Словарь татарских личных имен⁵.

6. Письменные исторические источники, которые приведены в работах Ш.Марджани, Р.Фахретдина, Э.У.Махпирова, М.А.Усманова, М.И.Ахметзянова, Ф.М.Хисамовой, Ф.С.Хакимзянова и других.

7. Различные антропонимические и толковые словари.

8. Дополнением к основным источникам послужили Указы Кабинета Министров Республики Татарстан, Книги памяти.

Теоретическая значимость диссертации заключается в дальнейшей разработке лингвокультурного подхода к ономастической лексике татарского и других тюркских языков. Рассмотрение антропонимической лексики татарского языка в контексте культуры и социальных преобразований дает новый импульс изучению истории образования и функционирования данных единиц, определению их роли в формировании национального менталитета, духовной культуры. Описание современного состояния антропонимии татарского языка позволяет понять основные причины изменения именника, указать пути дальнейшего развития антропонимической системы. Выделенные автором основные аспекты имяобразования на современном этапе послужат базой изучения структуры антропонимикона. Полученные результаты могут стать основой при изучении антропонимической системы национальных языков, при лингвокультурологической, социолингвистической характеристике антропонимиконов, при исследовании функционирования собственных имен в текстах народной культуры. Предложенная методика исследования может быть использована при изучении ономастических категорий как в синхронии, так и в диахронии.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в практике вузовского преподавания таких теоретических дисциплин, как лексикология, лингвокультурология. Теоретические выводы и практический материал, представленные в диссертации, могут быть использованы при составлении лексикографических

⁵ Саттаров Г.Ф. Исемен матур, кемнәр куйган? / Г.Ф.Саттаров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 256 б.

справочников, словарей личных имен, при составлении спецкурсов и спецсеминаров как по тюркской, так и по татарской ономастике.

Кроме этого, диссертационное исследование может служить консультативным материалом для филологов, изучающих проблемы антропонимики и лингвокультурологии.

Данная работа также представляет практическую значимость для работников ЗАГСа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование антропонимии отдельно взятого народа в свете новых достижений лингвокультурологической науки, рассматривающих язык как результат человеческого видения мира, основанного на историко-культурном наследии отдельной личности и нации в целом, способствует выявлению сущностной природы антропонимических единиц.

2. Формирование и дальнейшее развитие антропонимической системы татарского языка напрямую связано с культурными традициями древних тюрков, исторической эволюцией татар как отдельной нации. В тюрко-татарских именах проецируется система древнейших космологических, культовых воззрений. Традиции, заложенные в древнетюркском имяназвании, нашли продолжение в современной татарской антропонимии.

3. Принятие ислама, переплетение мусульманской культуры с национальными доисламскими традициями формировали новый тип мышления, который определил основные направления развития тюрко-татарской антропонимической системы. Существование восточных традиций в современной антропонимии татарского языка подтверждается в содержательном, лексическом и структурном планах.

4. В XX веке в татарской антропонимии наметилась новая лингвокультурологическая ориентация – от восточных традиций к западным новшествам. Доминантом в этом процессе выступают социально-политический, социально-экономический и социально-психологический факторы, которые привели к заимствованию в татарский язык семиотических знаков западной культуры. Русская и западная лингвокультурные традиции повлияли на структуру именина и на дальнейшее развитие национальной антропонимической системы.

5. Лингвистическая характеристика татарской антропонимической системы подтверждает, что антропонимическая лексика является особой областью языковой системы, получившей обособленное развитие от основного лексического фонда татарского языка. Наглядно это проявляется в ограниченном употреблении словообразовательных и грамматических средств, в особой роли фонетического фактора. В плане семантики антропонимы отличаются от основного лексического фонда. В зависимости

от употребления антропонимов в узуальном и неузуальном значениях компоненты семантической структуры способны варьироваться.

6. Татарская антропонимия является сложной структурой, вобравшей в себя различные стороны общественно-культурной и духовной жизни татарского народа. Часть личных имен, функционирующих в современном татарском языке, напрямую отражает культурно-историческое прошлое татарского народа, связана с его традиционным взглядом на мир, другая – результат культурного обмена, взаимосвязи с другими лингвокультурами. Аккумулируя в себе положительные стороны тех лингвокультурных традиций, которые оказали влияние на развитие татарского языка, современная татарская антропонимия предстает как целостная семиотическая система.

Апробация работы. По теме исследования опубликовано 42 работы. Основные итоги изложены в двух монографиях, в одном словаре, учебном пособии, статьях (в том числе 7 статей в журналах, рекомендованных ВАК) и докладах на научных конференциях: международных («Бодуэновские чтения» – Казань, 2001; «Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур» – Томск, 2002; «Язык и этнос» – Казань, 2002; «Ономастика в кругу гуманитарных наук» – Екатеринбург, 2005; «Ономастическое пространство и национальная культура» – Улан-Удэ, 2006; 2008; «Ономастика Поволжья» – Уфа, 2006; Йошкар-Ола, 2008; «Формирование терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации» – Сомбатхей, Венгрия, 2007; «Казань и алтайская цивилизация: 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция». – Казань, 2007; «International Congress of Asian and North African Studies – 38. Icanas» – Ankara/Türkiye, 2007; «IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество» – Москва, 2007; VII Международный симпозиум «Языковые контакты Поволжья» – Казань, 2008, Казанская тюркская лингвистическая школа: традиции и перспективы – Казань, 2008, II Международная ономастическая конференция «Имя. Социум. Культура» – Улан-Удэ, 2008); всероссийских («Сопоставительная филология и полилингвизм. – Казань, 2002, 2005; «Проблемы региональной ономастики». – Майкоп, 2004; 2006).

Структура диссертации. В соответствии с поставленной целью и задачами принята следующая структура работы: введение, четыре главы с соответствующими параграфами и разделами, заключение, список источников и использованной литературы из 359 наименований, два приложения. В приложении №1 приводится частотность употребления личных имен в десяти хронологических срезах, каждый из которых охватывает десятилетний период. В приложении №2 дается частотность

употребления личных имен в хронологическом срезе 1999–2007 гг. Общий объем работы составляет 403 страницы.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, раскрывается актуальность и научная новизна исследования, оценивается состояние разработанности исследуемой проблемы, формулируются гипотеза, объект, предмет изучения, определяется цель и задачи, дается характеристика методов и материала исследования, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, формулируются теоретические положения, выносимые на защиту, указываются источники исследования, дается общая характеристика структуры работы.

В первой главе **«Антропонимическая лексика как объект лингвокультурологического исследования»** раскрывается взаимосвязь языка и культуры, описывается становление и развитие лингвокультурологии как науки в отечественной и зарубежной лингвистике. Обзор научного материала, изложенного в первом параграфе *«Становление и развитие лингвокультурологии как науки»*, позволил сделать вывод о том, что тенденции, заложенные в рамках философии, к середине XX века переросли в отдельную науку – лингвокультурологию, основная цель которой заключается в исследовании языка с позиции национальной языковой личности, способной отражать специфику мышления и мировосприятия отдельной нации. Далее в работе характеризуются различные подходы определения объекта лингвокультурологических исследований, анализируется деятельность нескольких научных центров, изучающих языковые единицы в лингвокультурологическом аспекте с разных позиций.

В результате рассмотрения различных точек зрения актуализирован ряд положений, необходимых для анализа фактического материала.

При описании взаимосвязи языка и культуры, было выявлено, что среди языковых единиц, способных отразить культурно-историческую специфику народа, отдельное место занимает антропонимическая лексика, которая представляет собой сложную систему и формируется под воздействием не только лингвистических факторов, на ее состояние влияют национально-культурные и социальные факторы, как определяющие при выборе личного имени культурной личностью. При анализе антропонимических единиц в лингвокультурологическом аспекте в центре внимания стоит языковая и культуруноносная личность, с ее национальным своеобразием видения мира, т.е. ментальностью. Общеизвестно, что ментальность отдельно взятой нации

базируется на характере общественного человека, в котором наличествует и национальный, и социальный характеры. Если национальный характер отражает влияние на человека национальной среды, которая в течение длительного времени формирует типичные для представителей определенной нации черты, то социальный характер аккумулирует в себе атмосферу той эпохи, в которой он живет, независимо от национальной принадлежности. Синтез этих двух типов характера наиболее ярко проявляется в процессе имянаречения. Вышеназванная особенность личных имен находилась в центре внимания и философов, и лингвистов, и теологов, и культурологов, в результате чего имя собственное стало наиболее популярной проблемой в гуманитарных исследованиях XX столетия.

Во втором параграфе *«Репрезентация личных имен в философских и лингвистических концепциях»* в целях наиболее полного представления состояния и перспектив изучения антропонимической лексики были выделены научные направления, рассматривающие антропонимы в рамках культурной концепции, рассмотрены научные достижения исследователей-ономастологов каждого направления.

Одним из ведущих направлений является исследование общеязыковой антропонимии в контексте национальной культуры (работы Т.В.Топоровой, Н.Д.Арутюновой, Г.Ф.Благовой, Г.Ф.Саттарова, М.А.Залялиевой, Ф.Г.Хисаметдиновой, и др.), а также изучение региональной антропонимики в контексте национальной культуры (труды М.Э.Рут; А.Г.Мосина, А.С.Щербак, Р.Ю.Намитовой, Г.Ф.Саттарова, Г.И.Кульдеевой, Х.Ч.Алишиной и др.) и работы, выполненные в рамках культурной ономастики, которая рассматривает имена в качестве знаков и символов культуры (труды Н.И.Толстого, С.М.Толстой, С.Е.Никитиной, Т.Н.Кондратьевой, В.И.Супруна, А.Р.Биктимеровой, Г.З.Дарзамановой и др.).

С середины XX века исследования антропонимов, как и всего пласта ономастической лексики, стали принимать антропологический характер. Имя собственное начинает рассматриваться как часть культуры человека, нации, как носитель культурно-исторической информации. Обзор научной литературы по именам собственным дает основание полагать, что имена имеют важнейшее значение для исследования исторического и культурного прошлого народа, основополагающая роль в котором принадлежит как коллективной, так и индивидуальной языковой личности.

В третьем параграфе *«Семантический и функциональный потенциал антропонимической лексики»* через сравнительно-сопоставительный анализ имен нарицательных и собственных раскрывается суть антропонимической лексики.

Лексический состав любого языка традиционно делится на имена собственные и нарицательные. Такое деление характерно только для имен

существительных. Основным критерием определения различий между данными единицами большинство языковедов выделяют наличие лексического значения и способ называния предметов и явлений действительности. Придерживаясь принципа рассмотрения антропонимической лексики как части всего лексического состава языка, в настоящем исследовании предпринята попытка раскрытия специфики лексического значения антропонима.

Семантическая структура слова определяется тремя компонентами: денотат, сигнификат и коннотат. Семантическая структура нарицательных имен складывается из некоторого понятия, отражающего реальный мир и образующегося общими признаками определенного класса предметов, их индивидуального содержания. Класс предметов, как правило, обладает стабильной семантической структурой, которая в речевом потоке может варьироваться, не причиняя вреда его содержательной структуре. В речевом потоке имена нарицательные способны получать как денотативное, так и сигнификативное содержание. Денотативная сторона имен нарицательных не теряет актуальности в процессе функционирования в речи по той причине, что денотативные возможности этой группы имен обеспечиваются тем, что их значение описывает некоторые свойства предметов. В процессе функционирования имена нарицательные обладают и коннотативным содержанием. В результате совместного употребления этих содержаний нарицательное имя начинает обладать объемной внутренней формой, что раскрывает широкие возможности семантического варьирования имени нарицательного. Внутренняя форма слова включает в себя не только собственно лингвистическое значение, но и информацию о явлениях, специфичных для той или иной культуры, для того или иного общественного и экономического уклада жизни. В лексическом составе татарского языка содержится огромное количество нарицательных слов, отражающих национальную специфику. Со временем внутренняя форма слова может тускнеть, но она продолжает жить в семантике производных слов (например, в татарском языке *сән-* / *чәнеч-* (*колоть*, *уколоть*): *сәнак* (*вила*), *чәнечке* (*вилка*); *пыч-у* (*резать*): *пычак* (*нож*), *пычки* (*пила*)). Соотносясь с лексическим значением, внутренняя форма создает особое словесное представление мира. В семантике нарицательного слова проявляется вся суть принципа номинации, свойственного той или иной национальной среде.

В отличие от исследований прошлых лет, в современной лингвистике сложилась общая точка зрения на семантику личного имени: современные исследователи признают наличие у собственных имен семантического потенциала. Семантический потенциал личного имени резко отличается от семантики нарицательных слов. Собственные имена являются преиму-

существенно знаком, который служит только для называния предметов, и наличие содержательной стороны у которого менее заметно. Имена собственные менее связаны с понятием, им не свойственно называть группу предметов, явлений, процессов и т.д., а на первый план выходит тесная связь с единичными объектами. Тем не менее, именно имя собственное содержит больше информации, чем нарицательное слово. В природу имен заложена способность отражать не только языковую, но и внеязыковую информацию. Код культуры, построенный на символизации окружающей человека действительности, наиболее четко проявляется в именах собственных, особенно в антропонимической лексике. Мотивация антропонима чаще всего напрямую связана с внеязыковой ситуацией, но именно результат мотивации может повлиять на структуру языка. Появление новых имен в своеобразном оформлении напрямую отражается в языке, что приводит к фонетическому, словообразовательному и семантическому варьированию. Например, мужское имя *Ханлар*, образованное на материале тюрко-татарского языка с четко выраженной семантикой апеллятива, имеет фонетическую оболочку, не оформленную по орфографическим правилам татарского языка (по фонетическим законам татарского языка имя должно иметь следующее графическое оформление: Ханнар), но, тем не менее, оно свободно функционирует в языке. Такая «вольность» наблюдается еще в ряде антропонимов: *Алмаз/Алмас/Илмаз/Илмас; Гәлира/Илира/Алира/Элира* и т.д. Появление разных вариантов имени или же не совсем «языковое» оформление может привести к отклонению от языковой традиции, нормы. Такое отклонение допустимо только в разряде антропонимов, но ни в коем случае не в разряде нарицательных слов.

Денотат личного имени – единичный субъект. Антропонимическая лексика наделена некоторым понятийным содержанием, то есть имеет сигнификат, отличающийся от сигнификативного компонента нарицательного слова тем, что сигнификативным содержанием антропонима являются представления об имени, руководствуясь которыми выбирается тот или иной антропоним для наименования. Коннотативный компонент семантической структуры проявляется в узуальном и неузуальном употреблении антропонима. Если в первом случае проявлению коннотативного компонента способствуют стилистические аффиксы, в первую очередь, уменьшительно-ласкательные: *-кай/-кәй* (Гөлкәй, Илкәй, Саниякәй, Сылукай), *-ай/-әй,-и* (Рамазан – Рамай; Гибадетдин – Гибай, Имамәтдин – Имамый / Имай и т.д.), *-уш/-үш* (Зәйнәтдин – Зәйнүш), и аффиксы принадлежности 1 лица единственного числа *-ым/-ем* (Галиям, Алмазым, Лилиям и т.д.), то во втором случае коннотативный компонент имени проявляется у прецедентных имен, например, у антропонимов, связанных с широко известным текстом (*Мамай явы, Хужа Насретдин* и

т.д.) или с прецедентной ситуацией (*Шәкүр карак, Шомбай, Мәҗнүн җыйшыкы*). Для того, чтобы имя обладало коннотативным содержанием, необходимо наличие контекста, в рамках которого собственное имя семантически расширяется, начинает обладать объемной внутренней формой и приближается к нарицательным именам. В языковом материале можно найти множество таких примеров: *Гобәй белән Хобәй булу* (в значении неразлучные друзья), *Рамазан агай килде* (Рамазан пришел), *Гали үз эшендә, Вәли үз эшендә* (каждый занимается своим делом), *Бәдигъ мәзин күркәсе* (в отношении высокомерных людей), *Галигә дуслыктан түгел, Могавиягә дошманлыктан* (выбор одну из враждующих сторон), *Габдулла биясе* (в отношении любящих поесть), *Хуҗа Насретдин ишәге* (о человеке, зависящем от мнения другого), *Тыр-тыр Зариф* (проворный, успевающий), *Сафура бураны* (метать гром и молнии) и многие другие.

В языке антропонимы имеют широкий диапазон функционирования. В процессе употребления вне прямой референции они способны вбирать в себя те свойства, которые характерны для нарицательных слов (*мәҗнүн* – в отношении безнадежно влюбленного молодого человека; *биби* – необразованная, глупая девушка и т.д.). Проявление вторичной функции известно под термином деонимизация, в процессе которой антропоним наполняется не только внутренней формой, но и отражает национально-культурное мировоззрение татарского народа. Тесная взаимосвязь имен собственных и нарицательных способствует возникновению в лингвистическом пространстве единиц, которые наделены функциональной подвижностью, то есть способны выполнять как предикатную, так и идентифицирующую функции. Семантика их приспособлена и к тому, чтобы называть, и к тому, чтобы обозначать. Семантическая двучастность слова чрезвычайно расширяет коммуникативные и выразительные возможности языка.

Вторая глава «**Татарская антропонимия в контексте тюрко-татарской культуры**» содержит аргументацию того, что формирование и дальнейшее развитие антропонимической системы татарского языка напрямую связано с культурными традициями древних тюрков, исторической эволюцией татар как отдельной нации. Поклонение предков татар явлениям природы, тотемистические и анимистические представления стали частью духовной культуры. Сознание нации, в первую очередь, определяется природой, среди которой она вырастает и создает свою историю. Особенности понимания природы неизбежно оставляют свой отпечаток не только в психологии народа, но и в его языке, культуре. В именах того периода существовала неразделимая, тесная связь «предмет–имя–человек», которая позволяла рассматривать имя как часть личности. Через имя происходило слияние личности с природой. Особенности антропонимического узуса в

традиционной тюркской культуре обусловлены мифическими представлениями о природе имени – отождествлением имени и его носителя или убеждением в существовании сокровенной связи между именем и человеком, верой в способность имени «замещать» человека и т.д.

В тюркском языческом именослове основное место занимают две формы воззрений – это тотемизм и анимизм, которые стали основной базой для дальнейшего развития антропонимической системы тюрко-татар.

В первом параграфе «*Тотемистические воззрения в антропонимической картине мира татар*» внимание акцентируется на тех антропонимах, в основе мотивации которых лежат тотемистические верования, которые употреблялись более длительное время и транслировались в антропонимическую систему современных татар.

У тюрков наречение детей тотемными именами было связано с верованиями в то, что носители подобных имен аккумулируют в себе свойства этих животных. Такое отождествление сохранилось в древнетюркских именах, дошедших до нас в различных письменных памятниках: *Arslan* (лев), *Aşına* (волк), *Bars* (барс), *Buqa* (бык), *Küçük* (щенок), *Qaban* (кабан), *Qulan* (кулан), *Teka* (баран) и др. Такое религиозно-мифологическое воззрение имело глубокие корни и существовало продолжительное время, что оставило след в национальной памяти не только тюрко-татар, но и других тюркских народов. Тотемистические воззрения древних тюрков не нашли широкого распространения в антропонимике татар. Тем не менее, культурный код, зашифрованный в антропонимах, играл основную роль при заимствовании семиотических знаков арабо-персидских и западноевропейских языков.

Трансформация тотемистических верований наблюдается в некоторых личных именах, образованных от названий различных животных. По преданиям древних тюрков, родоначальницей тюркских племен была волчица. Лексическая единица *волк* – *бүре* сохранилась в составе многих тюркских имен. Несмотря на то, что еще до принятия Волжской Булгарией мусульманства культ животных как форма религии изжил себя, стереотипы культурной традиции сохранились в системе личных имен. В более поздней антропонимической системе тюрко-татар употреблялись личные имена с компонентом *бүре*, которые сохранились в составе фамилий *Байбурин*, *Буркиев*, *Буриев*, *Бурикаев*. Хотя имена с данным компонентом вышли из употребления давно, интересным является факт сохранения в культурной памяти отголосков древних традиций, например, в эргонимии XXI века появилось название дворца спорта *Ак бүре* в г. Казани.

Наряду с волком турки обожествляли барса, что подтверждают археологические находки, в том числе и на территории Волжской Булгарии. В древнетюркском антропонимике *барс* был чрезвычайно популярным

антропокомпонентом. Традиция употребления в составе мужского имени компонента *барс* продолжалась и в последующих антропосистемах тюрков. В частности, из тюрко-татарской антропонимической системы имена с компонентом *барс* не были вытеснены с распространением ислама. Это один из единичных фактов трансляции тотемистических языческих верований древних предков до современности. В татарском языке функционируют мужские имена *Барс*, *Барсил*, *Айбарис* / *Айбарыс*, *Илбарс*, *Илбарис*, *Бибарс*, *Акбарс*, образованные от названия животного. Компонент *барс* употребляется не только в составе антропонимической лексики, но и встречается в современных татарских эргонимах: *хоккейный клуб Ак барс*, *Ак барс банк*, *супермаркет Ак барс* и др. Безусловно, данные ономастические единицы не отражают тотемистических воззрений, они, в силу своих лингвистических функций, являются символами, и в них зашифрован культурный код нации, генетическая память тюрко-татарского народа.

Тотемистические религиозно-мифологические верования предков современных татар в зашифрованном варианте в лексеме *арслан* дошли до настоящего времени. В древнетюркском языке слово *Arslan* было распространенным компонентом личных имен, являлось титулом турфанских и караханидских правителей: *Arslan balban*, *Arslan tegin*, *Arslan Bilge Tengri ilig*⁶ и др. В современном именнике татар это имя используется, не теряя своего значения и употребительности. Личное имя *Руслан*, заимствованное в русский язык, а в XX веке входившее в антропонимическую систему татарского языка, в конце XX и начала XXI веков входит в десятку популярных имен. Несомненно, семантику имени нельзя приравнивать к семантике апеллятива, от которого образовано имя. Семантика имени складывается из той информации, которую оно несет, из его языковых, специально ономастических функций, эстетической значимости. В имени *Арслан*, *Арсланбек* и фонетических вариантах, в том числе в варианте *Аслан*, который активизировался в последнее время, по причине интенсивных контактов с другими тюркоязычными народами, в частности, с турками, заложена сакральная информация о духовном наследии древних тюрков.

В тюрко-татарской антропонимической системе функционировали имена *Сыртлан*, *Кондыз*, *Арслан*, *Жофар*, *Байбүре*, *Буга*, *Байбуга*, *Көчек*, *Күбәк* и так далее, которые зафиксированы в татарских шеджере и других источниках. Многие из них сохранились в татарских фамилиях (*Сыртланов*, *Сыртланбеков*, *Кучугов*, *Джафаров* и др.) и ойконимах (*Күбәк*, *Әнәк*, *Алабуга*, *Кабан* и т.д.).

⁶ Махпиров В.У. Имена древних предков / В.У.Махпиров. – Алматы: Ин-т востоковедения МН-АН РК, 1997. – С.156; Kaşgarlı Mahmut. Divanü lûdat-it Türk çevirisi / Kaşgarlı Mahmut; Çev.: Besim Atalay. – 5. bsk. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2006. – 4 cilt. – S.834.

Трансформация ценностей в сфере религиозных верований привела к исчезновению из антропонимической системы татар этой группы личных имен. Но, несмотря на это, мифологический модус опыта древних тюрков, хранящийся в бессознательных слоях психики, выбрался наружу уже через многие века в виде новых семиотических знаков.

Анализ, проведенный во втором параграфе «*Анимистические воззрения в антропонимической картине мира татар*», позволил сделать вывод о том, что анимистические воззрения являются наиболее распространенными и хорошо сохранившимися до наших дней. Одним из главных объектов поклонения древних тюрков является космос, небо, небесные тела, которые нашли отражение в имяназвании. Даже после принятия ислама народное сознание сохранило эту традицию имяназвания. В древних верованиях тюрко-татар центральное место занимал культ Тенгри, являвшегося верховным божеством у всех тюркских народов до принятия ислама. Имя основного божества Тенгри отражает мужское начало и давалось, в основном, мальчикам. В тюркском именнике встречаются следующие имена с компонентом *Тенгри (Тәңре)*: *Тәңребиргән, Тәңребирде, Тәңрекол*⁷. Традиционное для древнетюркского именника явление – употребление глаголов *биргән, бирде* «данный» в вышеназванных сложных именах указывает на особое место Тенгри в иерархии языческих божеств. Вплоть до проникновения ислама в Волжскую Булгарию тенгрианство было основной религией предков тюрко-татар. Даже после принятия ислама народное сознание сохранило эту традицию имяназвания. В тюрко-татарской антропонимической картине мира зафиксированы личные имена, основным мотивом именования которых является значение «данный богом, раб божий». Они встречаются в письменных источниках XVI–XVIII веков⁸. Компонент *Тәңре* сохранился в составе фамилий *Тәңребирдиев, Тәңребирдин, Тәңрегулов* и др.⁹, хотя компонент *Тәңре* в именах исчез, народная традиция, основанная на религиозно-мифологических представлениях, продолжала свое существование и после принятия ислама.

В антропонимах, как в языковых знаках, сохранилась народная память предыдущих эпох. Мы полагаем, что мужские имена *Аллабирде, Аллабиргән, Аллагол, Ходайбирде, Кудайбакты/Ходайбакты*¹⁰ и т.д. концептуализируют те традиции, которые заложены предками тюрко-татар. Доказательством данной гипотезы также является выдвигание на передний план мужского

⁷ Саттаров Г. Татар исемнәре ни сөйлә? / Г.Саттаров. – Казан: «Раннур» нәшр., 1998. – Б.248.

⁸ Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов: Публикация текста / Казан. гос. ун-т; изд. подг. Д.А.Мустафиной. – Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2006. – С.550.

⁹ Саттаров Г.Ф. Татар антропонимикасы / Г.Ф.Саттаров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – Б.60.

¹⁰ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов // Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 2001. – С.484.

начала: компоненты имен «Алла», «Ходай» преимущественно употребляются в составе мужских имен. Структурная модель имени «тәңре+глагольная основа» сохраняется и в этих именах. Имена с указанными компонентами функционировали в именнике татар вплоть до начала XX века. Несмотря на то, что наречения детей именами с вышеназванными компонентами на сегодняшний день не наблюдаются, народная память хранит религиозно-мифологические воззрения предков. Лаская ребенка, нередко называют его «алла биргән, алла биргәнем, алла бабасының улы/кызы» (данный богом, сын/дочь Всевышнего).

С течением времени некоторые мотивы имянаречения, заложенные в древнетюркский период, исчезли, наиболее востребованными и дошедшими до наших дней оказались имена с компонентом *ай, көн, таң*: *Айбулат, Айваз, Айвар, Айдин, Айнур, Айзат, Айдар, Айдис, Айгөл, Айзидә, Айдан, Айсина, Айсылу, Айзилә, Айназ, Таң, Таңгөл, Таңчулпан, Таңсылу, Таңнур, Таңсу* и другие. Древние представления предков нашли отражение в антропонимической системе, и сохранившись в народной памяти в виде зашифрованных языковых знаков, трансформировались на будущие поколения.

В ходе исследования было замечено, что в процессе развития тюрко-татарского антропонимикона часть антропонимов и имяобразующих компонентов проходят следующую эволюцию: на смену прямому денотативному значению приходит метафорическое, ассоциативное значение, которое на последующих этапах развития тюрко-татарской антропонимической системы становится доминирующим. Это особенно заметно в «цветовых» именах. Остановимся на антропонимах, образованных прилагательным *ак* (белый), которые также отражают древние верования в верховного бога. Белый цвет ассоциируется с дневным светом, жизнеутверждающим началом, благополучием, неземной чистотой. У древних тюрков и болгар цветами Тәңре, имеющими оберегающую силу, считались белый и голубой. Несомненно, для описания внешних особенностей ребенка формант *ак* в составе имени употреблялся и в прямом значении. Например, *Акбаиш, Аккаиш, Аксакал* и др. Такие имена встречаются у многих тюркоязычных народов, например, у хакасов, исходя из внешнего вида, давали имена *Аппах – очень белый, Ах пас – белая голова*; у мамлюков – *Актай, Акбуга*; у башкир – *Аккөбәк, Акбүре, Акбуга* и другие. Но прилагательные не всегда употребляются в денотативном значении.

Многозначность анализируемого прилагательного была зафиксирована еще в древнетюркском языке. В.В.Радлов указывает, что у тюркских народов слово *ак* употребляется в нескольких значениях: 1) белый, 2)

чистый, несмешанный, 3) добродушный, чистосердечный, невинный¹¹. В результате различных ассоциаций они использовались для обозначения разных признаков, в том числе являлись символом верховного бога. Имена с компонентом *ак* отражают ранние воззрения людей, их мировосприятие, которые соотносятся с мифологическим периодом жизни древнего общества, где доминировало ассоциативное восприятие окружающего мира. Белый цвет присущ эпитету богов, выражает божественность, святость, мудрость, опыт, принадлежность к высшему слою общества: *Акморза*, *Акчура*, *Акби*, *Актуган*, *Аппак*, *Акбикэ*, *Акбикэч* и другие; в татарских шеджере сохранились имена, относящиеся к XVI веку: *Аккына*, *Аккучкар*, *Аккош би*¹², *Ак дэрвиш*, *Акчурак бий*¹³. Вызывает интерес и тот факт, что в татарских диалектах старшую (первую) невестку называют *ак жиңги*¹⁴, то есть умудренная опытом.

Традиция символического употребления компонента *ак* в составе личных имен продолжалась довольно долго. В документах, относящихся к XVII – XVIII векам, еще встречаются имена с компонентом *ак*: *Акко* (*Кудабердеев*), *Акмәмәт* (*Клевлеев*), *Аксолтан*, *Аксәит* (*Чюрин*), *Акчура* (*Маметов*)¹⁵, *Ракай Акбаи улы*, *Акбирде*¹⁶. В современной антропонимической системе татар не функционируют имена с прилагательным *ак*, хотя традиция употребления антропоформанта *ак* все же не потеряла своей актуальности. Творческие люди и в настоящее время в качестве псевдонима выбирают имена с данным компонентом: *Акъегет*, *Акйолдыз*. Традиция использования псевдонима с компонентом *ак* наблюдается и в псевдонимах татарских писателей и просветителей XIX века *Мусы Акъегетзаде* и *Акмуллы*.

Мы считаем, что в период доисламского имянаречения была заложена в семантике тюрко-татарских имен следующая связь: «денотативное значение – ассоциативное значение – семиотическое значение/знак».

Анимистические воззрения отразились и в именах, в составе которых присутствуют социальные детерминативы *каган*, *хан*, *тархан*, *бэк*, *бай* и другие, которые со временем, утратив социальную значимость как титулы, стали функционировать исключительно в качестве антропоформантов, но сохранили в семиотическом знаке первоначальное значение. Например,

¹¹ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий В.В. Радлова: Т.1.–СПб.–М., 1963. – С.259.

¹² Эхмәтжанов М. Нугай урдасы / М.Эхмәтжанов. – Казан: Мәгариф нәшр., 2002. – Б.71, 85, 94, 98, 111, 131.

¹³ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. / М.А.Усманов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – С.217.

¹⁴ Эхмәтъянов Р. Татар терминологиясенә тарихи чыганаclarы / Р.Эхмәтъянов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – Б.67.

¹⁵ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов // Сост. Р.Н.Степанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – С.205.

¹⁶ Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.) / Ф.М.Хисамова. – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. – С.287.

функционирование в составе мужских имен антропоформанта «хан» служит убедительным доказательством сохранения первоначального значения «сила, могущество», заложенного в семантическое поле данного титула-антропоформанта, и в современных татарских именах: *Әмирхан, Әбухан, Касыймхан, Миннехан, Мәхмүтхан, Мәүлетхан, Сәетхан, Сәлимхан, Тимерхан, Фәезхан, Ханлар, Ханкилде, Ханвәли, Хәмәтхан, Тимерхан, Илхан, Ирхан, Хан*.

Небольшая группа имен, в основе которых лежат анимистические представления, связана с культом Земли и Воды (имена с компонентом *су*, *кара*, *сары*). Имена с компонентом *су* не распространены в именнике татар, это связано с тем, что вода – символ времени, которому свойственны быстротечность, невозвратность. Другой аспект имяназечения, основанный на верованиях древних тюрков, связанных с водой, заключается в метафорическом употреблении слова *су*, ассоциирующемся с чистотой, невинностью. Мы полагаем, что именно метафорическое значение данного слова легло в основу имен *Сусылу, Гөлсу, Таңсу*, которые из данной группы имен дошли до современности.

Под воздействием анимистических верований образовалась целая группа апотропеических имен, большинство которых функционирует и в современной антропонимической системе татарского языка: *Тимер, Тимербулат, Тимур, Тимерхан, Миңтимер, Байтимер, Таштимер, Биктимер, Тимербай, Тимеркәй, Бикташ, Ташмөхәммәт, Булат, Алтынай*.

В работе так же анализируются имена, образованные от социальных терминов, связанных с понятиями «народ», «племя» и «страна, родина». Этноантропонимы, функционирующие в историческом антропонимиконе, служили не только в качестве идентификатора, но и указывали на принадлежность человека к определенному этносу, племени, роду. В подавляющем большинстве это мужские имена, которые употреблялись в прошлом. Выпадение отдельных единиц из словарного состава языка не является показателем исчезновения лингвокультурной традиции. В антропонимиконе татар XX–XXI вв. вновь возродилась традиция использования этнонимов в качестве антропонимов. На смену этноантропонимам, вышедшим из употребления, пришли такие единицы, как *Сувар, Болгар, Алан, Сармат, Ашыт, Биләр*, которые употребляются и в настоящее время, что подтверждается документально. В этой группе особое место среди имяобразующих компонентов занимает апеллятив *ил* (страна), который активно употребляется как в историческом (*Илкәм, Илдәш, Илмәт*), так и в современном (*Ил, Илнар, Илназ, Илхан, Илгиз, Илсаф, Илдус, Илтани, Илишат, Илъяз, Илдан, Илфар, Илгенә, Илзидә, Илкәй, Илсинә*) антропонимиконах.

В ходе исследования было выявлено, что исчезновению из антропонимикона имен тюрко-татарского происхождения способствовали несколько факторов: 1) полнота внутреннего объема имяобразующих компонентов, что непосредственно сближает их с апеллятивной лексикой; 2) новая идеология, стремящаяся к уничтожению древних языческих верований; 3) проникновение новых имен, отличающихся семантическим потенциалом от древнетюркских имен.

Изучение процесса именования начиная с раннего периода становления тюркского общества позволило не только проследить эволюцию национального сознания и способов его выражения, но и определить его характерные черты, отраженные в ментальности современных татар. Анализ имен показал, что архаические формы мышления, нашедшие свое отражение в именах, не ушли в прошлое, они присущи в незначительно адаптированных вариантах, мышлению и психике современных татар.

В третьей главе под названием **«Ислам и восточные лингвокультурные традиции в антропонимической картине мира татарского языка»** рассматривается специфика приращения восточных традиций в антропонимикон татар, которое началось вместе с принятием мусульманства.

Проникновение и распространение антропонимов арабо-персидского происхождения представляет длительный процесс, что объясняется наличием большой доисламской культурной традиции, которая помогала сохранить этническую самобытность. На начальном этапе проникновения ислама мусульманские имена носили в основном представители знати. Так, например, после официального принятия ислама правитель волжских булгар Алмуш хан принял имя *Джафар бине Габдулла*. Примечателен тот факт, что именем отца было выбрано *Габдулла*, этим же именем звали отца пророка Мухаммада. В дальнейшем наследники престола носили мусульманские имена и титул *амир*: *амир Ахмад*, *амир Талиб*, *амир Муэмин*, *амир Шамгун*¹⁷ и др. В более широких кругах функционировали имена смешанного типа, когда наряду с арабскими, в состав имени включались компоненты тюркского происхождения: *Юныс эл Болгари*, *Ибраһим эс Сувари*¹⁸, *Исламкол*, *Акмөхәммәт*, *Колмөхәммәт*¹⁹ и т.д. Очень распространенным был, например, имяобразующий тип *иш+арабский компонент*, функционирующий вплоть до XIX века: *Ишмөхәммәт*, фонетические варианты

¹⁷ Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар / Ш.Мәржани. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – Б.150.

¹⁸ Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Ф.С.Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – С.180.

¹⁹ Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре / М.Әхмәтҗанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – Б.27, 61.

Ишмэт, Ишмәмэт, Ишми, Ишкүэт, Ишморза и другие. С периода Золотой Орды круг функционирования мусульманских имен расширяется, новые имена употребляются не только в узкой среде знати, но и среди простого люда. В работе это показано на примере нескольких шеджере. Например, шеджере жителя города Биляр *Жадәш бека*, у которого сыновья носили мусульманские имена *Инсан* и *Ихсан*, выглядит следующим образом: потомки *Инсана* носили имена *Сөләйман – Кадрәк – Нур Дәүләт – Нур Хәсән – Нур Әбдәл – Котыш – Мактый – Игәнәй – Мөхәммәд – Хужса Мөхәммәд – Тәвәккәл – Жәнтый – Бибеиш – Үлмәс – Мулла Гадбрахман – Габделгазиз–Габдулла*²⁰.

Второй этап активизации арабо-персидских имен приходится на XV–XVI века. Этому способствовали интенсивные политические и культурные связи Казанского ханства с арабо-мусульманским Востоком. Со второй половины XVI века ислам глубоко укореняется в психологии, культуре и образе жизни татар. Религиозное становится атрибутом этнического, основным духовным фактором сохранения своей самобытной культуры и этноса, что стало огромным стимулом для резкой активизации мусульманских имен. Примерно с этого периода в антропонимиконе татар наряду с религиозными именами начинают активизироваться, светские антропонимы. В отличие от религиозных имен, этот новый тип антропонимов появился как результат восприятия имени в виде семиотического знака, внутренняя семантика которого не является определяющей. Постепенное заимствование культурных особенностей другой цивилизации, расширение рамок мировосприятия, контакт с пространством бытия, значительно отдаленным от него, способствовали распространению новых единиц, не ассоциирующихся непосредственно с исламом, хотя указывающих на религиозную принадлежность.

Во второй половине XIX века формируется новая традиция именования, которая заключается в использовании сложных по составу имен, состоящих из двух и более компонентов: *Мөхәммәтвали, Мөхәммәтрәхим, Габделгаффар, Вәлибикмөхәммәт, Бибитәскирә, Маһисорур, Зәйнәп-фатыйма, Миңлегөлжиган*. Эта традиция стала доминирующей к концу XIX – началу XX веков. Теснейшее переплетение национальных традиций с исламскими ценностями привело к превосходству в антропонимической системе татар начала XX столетия имен арабо-персидского происхождения. Например, по материалам «Ревизских сказок» за 1816–1879 гг. по г. Казани, в число наиболее активно употребляемых мужских имен входят антропонимы *Ибраһим, Хәсән, Муса, Хәсәен, Йосыф, Мостафа, Исхак, Мөхәммәтвали, Мортаза, Хәбибулла, Әхмәт, Мөхәммәт, Якуп, Мөхәм-*

²⁰ Госманов М. Гасырдан-гасырга / М.Госманов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – Б.85.

мәтжән, Исмагыйль. К началу XX века происходит полная мусульманизация антропонимикона татар. Для тюрко-татарского народа, который всегда стремился использовать в процессе имянаречения короткие, не более трех слогов имена, не характерно было употребление сложносоставных имен, и это осложнило практическую сторону функционирования антропонимов. По этой причине родовая память вводила в обиход усеченные формы: *Садретдин – Садрый, Галәлетдин – Галәй, Мөхәм-мәтжән – Хәмәтжән – Хәмәй, Мөхәммәт – Мәмәт*. В современном татарском языке традиция употребления имен на свой лад нашла свое продолжение: в разговорной речи встречается усечение одного компонента многокомпонентных или многосложных имен: *Рамазан – Рамай, Имамәтдин – Имамый, Зәйнетдин – Зәйни / Зәйнүш, Гөлнәзирә – Нәзирә, Гөлчәчәк – Гөлкәй / Чәчәк*.

В указанный период происходит активизация в именнике татар антропонимов светского происхождения, образованных от апеллятивной лексики как арабского, так и персидского языков. К началу XX столетия антропонимия татарского языка представляет собой сложившуюся на основе мусульманских традиций богатую систему, отличающуюся от именников предыдущих этапов как составом, так и семантическим разнообразием.

После Октябрьской революции наступает переломный момент в функционировании мусульманских имен. Основная причина резкого изменения отношения к мусульманским антропонимам заключается в общественно-политических факторах, которые сыграли огромную роль в формировании нового мышления, новых идеалов. В условиях массовой атеизации ислам утрачивает свое значение социокультурного комплекса. Но национальное сознание, специфика мировосприятия, которая формировалась и развивалась под прямым влиянием мусульманских традиций, позволили находить новые возможности сохранения национального облика антропонимикона татар. В данный период активизируются персидские имена, для которых характерна семантическая окраска, отражающая этические и эстетические чувства народа. Смена идеологии не привела к потере духовных ценностей, а подтолкнула к поиску новых возможностей отражения национальной особенности мировосприятия в семиотических знаках родного языка.

Новый виток в функционировании антропонимов, которые отражают мусульманские традиции, произошел в конце XX века, что являлось результатом возрождения религии, национального самосознания. Возвращение исламских религиозных ценностей в общество способствовало пропаганде символов веры, одним из которых являются антропонимические единицы. К концу XX – началу XXI века заметна тенденция активизации религиозных имен в антропонимической картине мира: вновь вошли в

обиход имена *Габдулла, Ибраһим, Кәрим, Әмир, Мөхәммәт, Рамазан, Гомәр, Ислам, Әхмәт, Кәримә, Әминә, Хәдичә, Фатыйма* и другие.

Восприятие мира, и себя в том числе, лишь как проявления воли Аллаха – основа мышления многих представителей татарского народа, что непосредственно отражено в личных именах религиозного содержания. В работе эта группа имен анализируется в параграфе «*Имена, отражающие мусульманские воззрения*».

Взаимосвязь Аллах–человек в антропонимической картине мира татар непрерывна и неразрывна. Имена религиозного содержания занимают основное место в антропонимии татар, хотя они употребляются, в основном, до первой четверти XX столетия. Имена религиозного содержания делятся на несколько групп, имеющих свои особенности функционирования в тюрко-татарском именнике. Первую группу составляют имена, восхваляющие ислам. Сюда входят имена с компонентами *-алла/-улла, -дин, ислам*, употребляющиеся только в составе мужских имен; имена-эпитеты Аллаха, особенность функционирования которых заключается в том, что часть из них употребляется только в качестве личного имени, а другая – и в функции нарицательных слов: *газиз, гадел, рәхим, сәлам, гали, шаһит, хак, вәкил, хәким, ахыр, бакый, варис*; имена близких пророку Мухаммаду людей, сохранившие до настоящего времени значение святости (*Әминә, Хәдичә, Фатыйма, Өммегөлсем, Гайшә, Әбубәкер, Гомәр, Госман, Гали, Хәсән, Хөсәен* и др.); имена библейских пророков, функционирование которых имеет следующие особенности: во-первых, при заимствовании они претерпели фонетические трансформации (например, выпадение гортанного звука [ʕ] или его замена на звук [ɣ] в именах *Исма ʕил – Исмағыйль, ʕИса – Гайсә*), во-вторых, в национальное антропонимическое пространство проникли не все имена, некоторые из них употребляются только в фольклорных текстах (*Нух, Лут, Хозыр: Нух пәйгамбәр заманында, Лут пәйгамбәр кавеме, ялгыз башың, Хозыр юлдашың* и др.).

В пропаганде имен религиозного содержания определенную роль сыграла суфийская философия, возникшая еще на заре мусульманства. Суфийские идеи, прочно вошедшие не только в религиозную жизнь, но и в быт, оставили свой след и в антропонимической системе тюрко-татар. Основные догмы суфизма распространились и на антропонимикон, в результате чего образовались отдельные группы личных имен, в мотивации которых отразилось суфийское религиозное мировоззрение. В работе в контексте суфийской философии и на примере фактического материала доказывается, что под влиянием суфийского течения классического ислама среди тюрко-татар расширили свое функционирование следующие имена и имяобразующие компоненты: *хак* (истина), *габд-габде-габдел* (раб), *нур* (луч) и др. Суфийские титулы, отдельные понятия суфизма также

участвовали в обогащении именника тюрко-татар: *суфи, вәли, хафиз, кол, хужа* и т.д.

Религиозные воззрения отражены также в именах, образованных от названий религиозных праздников (*Корбан, Корбангали, Корбансылу, Корбанбикә, Мәүлидә, Мәүлетгали*), от названий календарных месяцев (*Сәфәр, Рәжәп-Рәжибә; Шәгъбан, Рамазан, Рабига*), от названий месяцев древнеиранского календаря (*Әсфән, Фәрвар, Фәрвария*), от другой религиозной символики (*Зәмзәмия, Фирдәүс, Фирдәүсә, Жәннәтбану, Гөлжәннәт, Кәүсәрия, Мәдина, Мәккә* и др.).

Во втором параграфе третьей главы «*Имена светского характера в антропонимии татар*» объектом исследования стали светские имена, которые в антропонимической картине занимают большое место и в настоящее время представляют основной состав именника. Основные мотивы имяназечения светскими именами собираются в антропонимические поля «знание» и «красота», которые являются наиболее распространенными, основополагающими в татарском языке. На первый взгляд эти антропонимы не отражают религиозную символику, но тем не менее, анализ мотивов имяназечения показывает внутреннюю связь таких имен с исламом, с религиозным мышлением. Традиция их употребления прочно вошла в сознание национальной личности и нашла продолжение в XX веке, когда в антропонимическую систему татар проникли русские и западноевропейские заимствования.

В мусульманской философской мысли знание было на самых передовых позициях. В исламе знание включает в себя вероисповедание и истинную веру. Татарский народ издревле был грамотным и стремился к наукам. Как правило, знание арабского языка – языка Корана, а так же языка поэзии – фарси считалось необходимым условием образованности и культуры татар. Стремление к знаниям, желание видеть своего ребенка образованным легли в основу мотивации антропонимов.

В центр поля «знание» были включены имена, образованные от апеллятивов *галим* (*Галим, Галимжән, Галимулла, Галимә, Галимәбану*), *фән* (*Фәнгиз/Фәнгизә, Фәндүс/Фәндүсә, Фәнис/Фәнисә, Фәнзүр, Фәндәс, Фәнзаман, Фәнил, Фәния, Фәния, Фәнзилә*), *гыйлем* (*Гыйльметдин, Гыйлемшаһ* (часто употребляется в усеченной форме *Гыйлемша*), *Гыйлемдар, Гыйлемхан, Гыйльмебану, Гыйльмениса*), *гакыйль* (*Гакыйль/Гакыйлә, Гакыйльжән*), *фәһем* (*Фәһим/Фәһимә, Фәһми/Фәһмия, Фәһимжән*), *зирәк* (*Зирәк, Айзирәк, Гөлзирәк, Илзирәк*).

В периферию поля включены те имена и имяобразующие компоненты, семантика которых частично или полностью затемнена и которые функционируют только в качестве антропонима: *Зәки* (проницательный), *Галләм* (всезнающий), *Гариф* / западнодиалектный вариант *Ариф* (ученый,

знающий), *Гыйрфан* / в западном диалекте *Ирфан* (знание, образованность, проницательность; мудрость), *Ләбиб/Ләбибә* (умный, проницательный, разумный), *Вакыйф/Вакыйфа* (понимающий, знающий), *Фазыл* (эпитет ученого), *Равия* (размышление), *Зыя* (интеллект), персидские заимствования *Дана* (знающий, мудрый, ученый), *Данис* (знание, наука), *Данияр* (знающий).

На периферии поля «знание» находятся также антропонимы: *Мөгаллим-Мөгаллимә* (учитель, наставник), *Мөдәррис* (учитель), *Талип/Талибә* (студент), *Тәуфыйк* (воспитанность), *Инсаф* (воспитанность, благовоспитанность, скромность), *Әдип/Әдибә* (воспитанный; просвещенный, образованный), *Факих* (знаток мусульманского права), *Ирадә/Ирада* (стремление, желание, воля) и так далее.

Часть этих единиц употребляется и в основном лексическом фонде татарского языка. В отличие от тех имен, апеллятивное значение которых известно носителям татарского языка, имена с неактуальным или неизвестным апеллятивным значением вошли в язык исключительно в качестве семиотического знака и функционируют только в антропонимической подсистеме языка.

В сознании языковой личности красота представляется в различных ракурсах. В настоящей работе имена объединены в две большие группы. Апеллятивные основы имен первой группы являются названиями материальных объектов, второй – понятиями, заключающими в себе набор характеристик, которые преимущественно характеризуют внешнюю и внутреннюю красоту.

Названия материальных объектов входят в ядро поля и это, преимущественно, женские имена:

1. Личные имена, связанные с растительным миром: *Лалә (п.) /тюльпан/, Ясминә (а.) /жасмин/, Нәргиз-Нәргизә (п.) /нарцисс/, Рәйхан/Рәйхана (а.) /базилик/, Сәмбел/Сәмбелә (а.) /гиацинт/, Миләүшә (п.) /фиалка/ и многие др. Мотивация этих имен восходит к древнетюркской традиции и находит продолжение в западноевропейских именах (*Чәчәк, Чәчкә* → *Гөлчәчәк, Гөлназ, Гөлкәй, Айгөл* и др. → *Роза, Розалия, Розалина*).*

2. Личные имена, связанные с названиями драгоценных камней: *Гәүһәр, Жәүһәрия, Фирүз/Фирүзә, Зөбәржәт* и др.; 3) Личные имена, связанные с названиями явлений природы: *Маһия, Маһикамал, Маһидә, Маһинур, Шәмсия, Шәмсенур* (в татарском антропонимическом пространстве функционируют несколько мужских имен с компонентом *шәмс*: *Шәмсетдин, Шәмсевәли, Шәмсегата, Шәмсегалим, Шәмсевафа* и др., в которых компонент *шәмс* несет смысловую нагрузку, которая характерна для религиозных имен), *Зөһрә, Нәжмия, Ситарә, Сафура, Әсфирә, Ләйсән-Ләйсәния-Ләйсәнә, Ләйлә*.

В группе имен, связанных с абстрактными понятиями красоты, основными составляющими являются категории красоты (*Сылу, Миңсылу, Айсылу, Гөлсылу, Нурсылу, Гүзэл, Гүзәлия, Гүзәлсылу, Зифа, Нәфисә*), далее – категории мягкости и нежности (*Назлыгөл, Айназ, Зариф/Зарифа, Ханисә*), затем – доброты, честности (*Латыйф/Латыйфа, Дилназ, Лотфия, Маһрисылу*) и другие.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что культурная память татарской национальной личности способствовала проникновению из арабо-иранской цивилизации новых антропонимических единиц, которые обеспечили преемственность древнетюркских традиций. Кроме продолжения существующих традиций, ислам сыграл огромную роль в формировании новых традиций имяназвания, впоследствии ставших основополагающими.

Целью четвертой главы «**Татарская антропонимия на современном этапе развития**» являлось воссоздание целостной картины антропонимикона с указанием экстралингвистических и лингвистических факторов, повлиявших на состав и структуру современного именника. Согласно поставленной цели, в первом параграфе «*Предпосылки и условия формирования современного антропонимикона*» выявлены причины, приведшие к изменению антропонимикона. Смена общественно-политической и культурной парадигмы в послеоктябрьский период проложила новый путь развития татарского антропонимикона. Основные причины, способствующие трансформации антропонимии татар в XX – начале XXI веков, кроются в трех взаимосвязанных между собой экстралингвистических факторах: социально-политическом, социально-экономическом и социально-психологическом. Под влиянием социально-политической ситуации в 20–30-е гг. XX века из употребления вышли традиционные арабо-персидские имена с религиозной содержательной единицей, их место стали заполнять новые антропонимические единицы, содержащие новую идеологическую коннотацию, генетически восходящие к тюрко-татарскому, к русскому и к западноевропейским языкам (*Азат, Ирек, Максат, Ялкын, Юлдаш, Өмет, Вилен, Вил, Владлен, Вилнур, Альберт, Энгель, Фрид, Фридрих Марк, Маркс, Рево, Люция, Ренал* и др.). Социально-политическая ситуация способствовала распространению среди татарского населения имен, в которых не проявлялся национальный характер. Выдвижение на первый план социально-экономического фактора обернулось ростом культурной маргинализации, проникновением других культурных знаков, приспособлением или приближением национального антропонимикона к системе личных имен других народов и культур (*Виктория, Вероника, Тамара, Раймон, Кристина, Юлия, Лаура, Элеонора*).

Два аспекта социально-психологического фактора – культурно-языковой и глобализация – повлияли на психологию представителя нации. Сужение общественных функций татарского языка, повышение роли русского языка способствовали распространению в антропонимическом пространстве языка новых имен, не имеющих традицию функционирования. Приведенные в диссертационной работе социологические и статистические данные подтверждают тезис о том, что функционирование именника напрямую зависит от языковой ситуации общества. Процесс глобализации способствовал приобщению к мировой культуре, что немедленно отразилось в составе личных имен татарского языка (например, вошли в именник имена *Амелия, Джулия, Анжела, Асель, Даяна, Джана, Илона, Милана, Эдвард, Эдгар, Эрика, Элеонора*).

Вышеназванные факторы привели к заимствованию в татарский язык семиотических знаков западной культуры. Новые заимствования изучаются в параграфе *«Русская и европейская лингвокультурные традиции в антропонимической картине мира татар»*. Проникновение нехарактерных для предыдущих эпох антропонимических единиц русского и западноевропейского происхождения прошло в несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности как в лексическом, так и структурном аспектах. Для наиболее полного представления процесса приращения заимствованных имен в татарское культурное пространство мы разделили исторический период с начала третьего десятилетия XX века и до наших дней на три этапа: первый – 1923–1949 гг., второй – 1950–1985 гг., третий – с 1985 года по наши дни. Каждый этап внедрения имен нового типа характеризуется своими особенностями, набором антропонимов, отражающих изменившуюся картину мира. С целью подробного воссоздания механизма трансформации антропонимической картины мира использованы результаты статистического исследования именника г. Казани.

На начальном этапе употребление новых заимствований в именнике татар не является распространенным. Опираясь на фактические материалы, можно констатировать: в первый условный период из всего заимствованного из русского и западноевропейских языков пласта русских имен – 38 единиц, что составляет 4,6% от общего числа заимствованных. Из них 7 – имена, образованные от нарицательной лексики, 20 – имена-аббревиатуры. Еще одна характерная особенность первого этапа заимствования заключается в том, что в этот период проникали имена из традиционного русского именника, например, *Арина, Вера, Марфа, Людмила, Оксана, Светлана, Андрей, Борис, Валерий, Валериан, Виктор, Измаил, Леонид, Олег*. На первом этапе проникновения новых заимствований была заложена совершенно новая традиция образования имен – способ аббревиации. В работе представлены типы аббревиации, которые встречаются в именнике.

Второй этап характеризуется наибольшим количеством употребления заимствованных имен среди татар. Если в 1950 году употреблено 65 мужских и 59 женских имен, из них заимствованными являются 10 мужских имен (*Альберт, Альфред, Дамир, Ирол, Рафаэль, Ренат, Фердинанд, Эдуард, Эдвард, Марсель*) и 13 женских имен (*Алиса, Аида, Венера, Альфрида, Луиза, Роза, Розалия, Римма, Эльза, Эльмира, Флера, Лилия, Эльвира*), то в 1980 году употреблено 47 мужских имени, из которых 20 – заимствования, и 62 женских имени, из них 35 – заимствованы. На данном этапе заимствования заметны стабильность и придерживание тех национальных традиций, которые были заложены веками (например, активное употребление наименований растительного мира в качестве имен: *Флора/Флера/Флүрә, Резеда, Роза, Ландыш, Лилия*, наименования небесных тел: *Венера, Марс, Амур* и т.д.).

Отличительным признаком третьего этапа заимствования западно-европейских имен является проникновение в большое количество имен, созвучных национальным антропонимам (*Камилла, Адея, Аделина, Тимур, Руслан, Карина* и др.).

Проникновение новых заимствований повлияло и на лингвистическую структуру имени. В частности, возник совершенно новый тип антропонимов – имена-аббревиатуры (*Вил, Ким, Ленар, Дамир, Марлен, Марклен* и др.); появились новые сочетания букв в составе имени (*Эрнест, Альфред, Альберт, Роберт, Эдгард, Рудольф, Марс*). Некоторые фонетические особенности не только встречаются в заимствованных именах, но и повлияли на структуру традиционных имен. Так, нашли распространение имена с удвоенными согласными (*Римма, Эмма, Элла, Нелли, Эльвинна, Эллина, Ренатта, Заррина*), во втором хронологическом срезе появились нехарактерные буквы в начале имени (*э, я, р, в, д*) и к современному этапу их употребление резко активизировалось (*Эльза, Эдуард, Элдар, Эдгем, Элиза, Элиса, Эльвар, Эльвин, Эльзиля, Эльмин, Эльнар, Эльнара, Эрик*); проникли акцентологические особенности русского языка (*Әмирә – Ами́ра; Динә – Ди́на; Динара́ – Дина́ра; Зәринә – Зари́на; Нәргизә – Нарги́за; Саидә – Саи́да*); продуктивными стали некоторые словообразующие элементы русского языка (суффиксы *–ик* и *–ина*: *Радик, Зарина, Дилина, Нуринә, Сафина*). Исходя из вышесказанного, полагаем, что к настоящему времени в именнике закрепились европейская традиция, которая наряду с тюрко-татарской и восточной традициями имеет свои особенности функционирования и влияет на дальнейшее развитие национальной антропонимической системы.

Третий параграф четвертой главы – «*Новотатарский пласт в антропонимии татар*» – посвящен анализу тех единиц, которые возникли на базе родного языка. Первоначально новые имена образовывались с привлечением

традиционных компонентов или же в качестве имяобразующих компонентов выступали нарицательные слова, функционирующие в языке (*Өмет, Бәллүр, Корыч, Ирек, Кояш, Бүләк, Ләззәт*). Новотатарский пласт личных имен пополняется за счет забытых имяобразующих компонентов. Начиная с указанного периода в антропонимическую систему татар вернулись некоторые древнетюркские антропокомпоненты, в частности, *ил, ай, таң, бәк*: *Илсаф, Илнар, Илназ, Илүсә, Айназ, Айвар, Айгөл, Таңсу, Таңнур, Таңсылу, Нурбәк, Илбәк*. Постепенно в оборот были включены новые арабо-персидские заимствования, ранее не зафиксированные в именнике татар (*Динар, Зөлфәт, Рамил, Рәис, Рәүф, Өлфәт, Зөлфия, Миләүшә, Наилә, Назия, Рәзинә, Рамилә, Рәзилә и др.*). Одной из основополагающих особенностей новотатарского пласта является активное использование сложносоставных имен. В отличие от антропонимов предыдущих периодов, современные сложные имена по своей структуре компактные, преимущественно двух- и трехсложные: *Илгиз, Илсәя, Илсәяр, Нурбәк, Гөлият, Гөлсаф, Гөлнара*.

В работе рассматривается еще одна отличительная сторона новотатарских имен – имятворчество, являющееся способом самовыражения, защитным механизмом от аккультурации, растворения среди других культур. Имятворчество появилось и нашло широкое распространение в период социально-политической нестабильности. Всплеск имятворчества в татарском антропонимиконе произошел вскоре после Октябрьской революции и продолжался с разной степенью интенсивности в течение всего XX столетия. Первый период имятворчества можно охарактеризовать как беспорядочный поиск новых имен, взрыв творческой стихии в антропонимическом пространстве. В этот период была заложена основа нового пути развития татарской антропонимической системы, а именно процесса имятворчества. Также имятворчество является отличительной стороной антропонимической системы конца XX начала XXI веков. В работе представлены распространенные модели имятворчества: 1) имена, образованные от традиционных имен путем изменения буквы или одной части имени: *Эльнур>Илнур, Элмас>Алмас, Эльфат>Илфат, Назгөл>Гөлназ, Нурият>Гөлият, Гөлиан>Гөлият*; 2) сложение частей имен родителей или близких; 3) по аналогии с европейскими или русскими именами: *Рузана, Рушана, Раяна, Идалия, Алан* и др. Использование апеллятивной лексики или же традиционных антропоформантов и фонетический фактор способствовали появлению новых имен, которые впоследствии стали популярными. Имятворчество в большинстве случаев происходит по заложенным традициям тюрко-татарского имяназвания. Положительная сторона данного процесса заключается в том, что с помощью имятворчества увеличивается состав именника, который в

последние десятилетия заметно сузился, в оборот входят новые благозвучные имена.

В исследовании внимание акцентируется на одной из примечательных особенностей антропонимии татарского языка, заключающейся в подборе созвучных, рифмующихся имен по различным линиям родства. В работе рассматривается традиция рифмования по родственной линии, которая заложена еще в ранних этапах развития тюрко-татарского антропонимикона и продолжается в настоящее время. Нами выделено два типа рифмования: по вертикальной линии, где имена детей рифмуются с именами родителей (*Габделхәмит – Габделкыям, Айнур – Фәннур, Маһикамал – Гайнекамал Гиззәтуллина Галия Галимовна, Азат – Азалия – Аяз* и др.), и горизонтальной линии, то есть созвучие имен у детей в одной семье (*Мәхмүтхәсән – Мәхмүтхәсән, Назаргали – Сәфәргали – Әмиргали – Арслангали, Илнур – Илназ – Илнар, Динара – Илнара, Гөлшат – Гөлнара, Нәсимә – Рәсимә – Рафаил – Равил – Наил*).

В четвертом параграфе «Языковые особенности современной антропонимии татар» представлена лингвистическая характеристика именника. Было выявлено, что современный антропонимикон татар имеет ряд особенностей как в фонетическом, так и в грамматическом аспектах.

В процессе исторической эволюции антропонимической системы особое место занимает фонетический фактор. Роль фонетического фактора проявляется при образовании новых антропонимических единиц, потому что семантика и мотивы имяназачения выражаются именно с помощью звукового облика. Рассмотрение звукового облика антропонимических единиц в контексте национального языка позволило выделить отличительные особенности этой подсистемы языка. В частности, мы выявили, что небная гармония, которая является одним из основных фонетических законов татарского языка, в системе личных имен в большинстве случаев не сохраняется (в тюрко-татарских именах, если они являются составными: *Тимерхан, Миңлехан, Бибарс, Айгиз*, в составных именах, когда компоненты относятся к разным источникам или полностью заимствованные: *Гөлназ, Илнур, Айзирә*, в заимствованных антропонимах: *Галим, Гали, Инсаф*, в именах, образованных в результате имятворчества: *Айсәлла, Илвина*); слоговая структура женских и мужских именников имеет отличительные особенности, заключающиеся в том, что в женском именнике встречается слоговой тип *гласный*, который не распространен в мужском именнике. Исключение составляют антропонимы, образованные от апеллятивной лексики или от топонимов: *И-рек, А-зат, Ө-мет, Я-кут, У-рал, А-лан*, в женских двусложных именах оба слога могут относиться к одному типу (*Би-кә, Би-би, Шә-ри-фә, Нә-зи-рә, Га-ли-я*), что не характерно для мужского именника, в котором один из слогов является открытым,

другой – закрытым или наоборот (*Ра-мил, Ай-дар, Ман-сур* и др.). Также слоговая структура антропонимической лексики отличается от слоговой структуры основного лексического фонда, например, в заимствованных именах встречается тип согласный+сонор+гласный+согласный (*Флур, Фредрит* и т.д.), который не встречается в нарицательных словах. Рассмотрение активности начальных элементов имен в мужском и женском именниках позволило выявить специфичный, отличительный от общего лексического фонда языка характер антропонимической лексики.

Одним из отличий антропонимической лексики от общего лексического фонда татарского языка является варьирование. Предпосылки варьирования были заложены еще на ранних этапах развития тюрко-татарского антропонимикона, но актуальной эта проблема стала в XX веке. Мы выделили две основные причины варьирования: 1) варьирование, возникшее в связи с особенностями графики, которое наблюдается, в основном, среди заимствований, 2) варьирование, возникшее как результат имятворчества, характерно как для заимствований, так и для традиционных имен. Нами выявлено два типа варьирования: вокалические варианты – явление сравнительно новое и преимущественно наблюдается в именах, образованных в результате имятворчества (*Алинэ~Әлинэ Линара~Ленара, Розалия~Рузалия, Ранель~Ранэль, Элина~Илина, Эмиль~Имиль*; консонантные варианты (*Аллакол~Аллагол, Асылхужа~Асылгуҗа, Нәргиз~Нәркис*), которые имеют более длительное время функционирования. Консонантные варианты характерны не только для нового типа заимствований, но и для традиционных татарских имен. В результате исследования мы пришли к выводу, что данный тип варьирования первичен и берет начало от древнетюркских имен, например, в тюрко-татарском именнике можно встретить следующие варианты имен: *Уразгилде~Уразкилде, Туйкилде~Туйгилде, Буранкол~Бурангол*. В диссертационной работе проанализированы наиболее распространенные варианты, различающиеся парными согласными по звонкости-глухости. Чередование *д~т* в именнике татар имеет давние традиции, в татарском языке оно носит волнообразный характер: это чередование довольно распространено в письменных источниках, написанных арабской графикой. При изучении метрических книг мечетей нами зафиксированы следующие варианты имен: *Мөхәммәд~Мөхәммәт, Мәхмүд~Мәхмүт, Рафид~Рафит, Хәмид~Хәмит, Фуад~Фуат* и др. Начиная с 40-х гг. XX века наблюдается сравнительная устойчивость – имена написаны с соблюдением фонетического закона языка: *Фәрит, Рәшит, Мидхәт, Муллахмәт, Рәфкать, Ришат* и т.д. В последнем хронологическом срезе усиливается тенденция чередования, это связано, с одной стороны, с возвратом религии в общество, распространением религиозной литературы, где имена даются в

приближенном к языку-источнику варианте, и стремлением к оригинальности – с другой: *Азад~Азат, Морад~Морат, Илишат~Илишат, Мөхәммәт~Мөхәммәд, Максат~Максад, Заһит~Заһид*. Этот тип чередования наблюдается в именах, заимствованных из русского и западноевропейских языков: *Эдуард~Эдуарт, Эдвард~Эдварт; Фердинанд~Фердинант, Радмир~Ратмир* (в данном случае чередование происходит на стыке двух основ), *Фред~Фрет*, где находит отражение обратное чередование: вариант с глухим согласным подчинен законам татарского языка. Далее рассматриваются чередования г~х~к: *Мәгърузә~Мәхрузә, Имангол~Иманкол, Мәгъсут~Мәхсут~Мәкъсут, Нәргиз~Нәркис, Әсгәр~Әскәр, Әскать~Әсгать; з~с: *Алмаз~Алмас, Рәмиз~Рәмис*.*

В результате влияния диалектов и говоров татарского языка произошли следующие чередования: п~ф: *Йосып~Йосыф; ф~х*: *Фатыйма~Хатыйма; д~з*: *Дөфәр~Зөфәр, Әбүдәр~Әбүзәр, Жәдилә~Язилә, Ида~Иза, Элида~Элиза, Әдһәм~Әзһәм, Рамазан~Рамадан; ж~й (я)*: *Жазилә~Язилә, Жәсминә~Ясминә*.

В графическом оформлении татарских имен выявлены фонетические варианты, полученные в результате выпадения начальной фонемы «г», что является фонетической особенностью западного диалекта: *Габбас~Аббас~Абас, Габдулла~Абдулла, Габделгали~Абделгали, Гали~Али, Газиз~Азиз, Газизә~Азиза, Гадил~Адил, Гадел~Адел, Гадилә~Адилә*.

При исследовании грамматических особенностей мы акцентировали внимание на выражении категории рода в современном антропонимиконе татар и на анализе продуктивных имяобразующих моделей. В антропонимиконе татарского языка выражение категории рода осуществляется словообразовательными и лексическими средствами. В женских именах, генетически восходящих к тюркскому языку, родовая принадлежность выражается преимущественно лексически, то есть для этой цели употребляется группа имен, в семантике которых прослеживается женское начало, описывается либо красота, либо метафорические ассоциации, связанные с данным понятием: *Чәчәк /цветок/, Айсылу /прекрасная как луна/, Алтын /золото/, Гүзәл /прекрасная/*. Для выражения женского рода из арабского языка в антропонимическую систему татарского языка заимствованы аффиксы *-а/-ә, -ия*: *Назыйм – Назыйма, Таһир – Таһира, Вәсил – Вәсилә*. После революции с их помощью образуется множество новотатарских имен, употребляющихся наряду с традиционными: *Дамир – Дамира, Динар – Динара, Илгиз – Илгизә*. Далее в исследовании анализируются имяобразующие компоненты *биби, бану, бикә, гөл, ал* и др., участвующие в образовании только женских имен.

На мужской род указывают суффиксы: *-дар, -даш, -ат*, имяобразующие компоненты: *бик/бәк, хан, тимер, габд-габде-габдел, мәхмүт, җан* и др.

Несмотря на то, что в языковой системе отсутствует данная категория, в антропонимической системе родовая дифференциация играет большую роль. Было выявлено, что традиция определения рода заложена еще на ранних стадиях формирования тюрко-татарского антропонимикона.

Рассмотрение современных продуктивных антропонимических моделей позволило прийти к выводу, что сложные имена в современном татарском языке образуются по древнетюркским традициям имяпроизводства. Некоторые формы, зафиксированные в письменных источниках, дошли до современности без каких-либо изменений имяобразующих компонентов (существительное+существительное: *Ил+дан*, *Ай+булат*, *Арслан+гәрәй*; существительное+частица: *Иш + кинә*, *Гөл + генә*, *Ил + генә*; существительное+глагол: *Ай+туган*, *Ил + гизәр*, *Хан + гилде (килде)*). Другие формы (прилагательное+существительное: *Назлы + гөл*, *Нурлы+камал*, *Ак + булат*; прилагательное+прилагательное: *Миңле + сылу*, *Зифа + сылу*) претерпели изменения в лексическом составе имяобразующих компонентов. Тем не менее, привлечение заимствованных лексических единиц не привело к коренному изменению имяобразующих моделей татарского языка.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, подводятся наиболее значимые итоги работы.

Развитие лингвистической науки в XX веке способствовало появлению новых аспектов исследования языковых единиц. Наиболее популярным из них является изучение языка как составной части культуры, которое позволяет глубже проникнуть в суть культурно маркированных языковых единиц. Особое место среди семиотических знаков занимает антропонимическая лексика, имеющая следующие отличительные особенности:

1) семантический потенциал личного имени резко отличается от семантики нарицательных слов. Главное отличие заключается в способе связи с обозначаемым. Антропоним, как и нарицательное слово, обладает тремя компонентами семантической структуры, но их выражение имеет свои особенности. Денотат личного имени – единичный субъект. Антропонимическая лексика наделена некоторым понятийным содержанием, отличающимся от сигнификативного компонента нарицательного слова тем, что указывает на представления об имени. Коннотативный компонент семантической структуры проявляется в узуальном и неузуальном употреблении антропонима. Если в первом случае коннотация проявляется в словообразовательном аспекте, то во втором – коннотативный компонент имени проявляется у прецедентных имен;

2) в языке антропонимы имеют широкий диапазон функционирования. В процессе употребления вне прямой референции они способны вбирать в себя те свойства, которые характерны для нарицательных слов;

3) антропонимическая лексика является особой областью языковой системы, получившей обособленное развитие. В отличие от нарицательной лексики, в образовании антропонимической лексики используется ограниченный набор словообразовательных и грамматических средств. Семантика и мотивы имяназвания выражаются также с помощью звукового облика, анализ которого в контексте национального языка позволяет выделить отличительные особенности этой подсистемы языка. В частности, роль небной гармонии, слоговая структура, отличная от слоговой структуры основного лексического фонда, активность определенных начальных элементов имен в мужском и женском именниках определяют специфичный, отличительный от общего лексического фонда языка характер антропонимической лексики.

Антропонимия татарского языка представляет собой сложную структуру, в которой оставили отпечаток основные культурно-исторические периоды развития тюрко-татар. Современная татарская антропонимия, представляющая собой синтез тюрко-татарской, восточной, русской и европейской лингвокультурных традиций, трансформируясь, развивается под их влиянием.

1. Тюрко-татарская традиция имяназвания формируется в анимистических и тотемистических воззрениях, которые стали базой для дальнейшего развития антропонимической системы татар. В процессе развития тюрко-татарского антропонимикона заметно, что часть антропонимов и имяобразующих компонентов проходят этап эволюции: от прямого денотативного значения – к метафорическому, ассоциативному значению, которое на последующих этапах развития антропонимии становится доминирующим. Именно в период доисламского имяназвания была заложена связь в семантике тюрко-татарских имен: «денотативное значение – ассоциативное значение – семиотическое значение/знак». Живая семантическая связь тюркского личного имени с соответствующим апеллятивом постепенно исчезла. Архаические формы мышления, нашедшие свое отражение в именах, не ушли в прошлое, они присущи, в незначительно измененных вариантах, мышлению и психике современных татар. Анализ имен показал, что мифологические верования, отраженные в архаичных тюрко-татарских именах, проявляются и на современном этапе развития национального ономастикона.

Продолжение древнетюркских традиций наблюдается и в лингвистической структуре современной татарской антропонимии. В частности, истоки таких особенностей, как рифмование имен, двух-, трехсложная слоговая структура, имяобразующие модели, малокомпонентность, компактная структура составных имен существовали в древнетюркском именослове. Рассмотрение современных продуктивных

антропонимических моделей позволило прийти к выводу, что сложные имена в современном татарском языке образуются по древнетюркским традициям имяпроизводства.

2. Восточная традиция начала проникать в тюрко-татарское общество вместе с принятием ислама. Распространение мусульманских имен в антропонимическом пространстве шло в несколько этапов, что говорит о постепенном укоренении восточной традиции.

В лингвистической структуре именника татар под влиянием восточной традиции развивалось фонетическое варьирование, предпосылки которого были заложены еще на ранних этапах развития тюрко-татарского антропонимикона. Выражение категории рода в антропонимиконе татарского языка осуществляется грамматическими и лексическими средствами. Если выражение рода лексическими средствами заложено еще на ранних стадиях формирования тюрко-татарского антропонимикона, то участие в этом процессе грамматических средств – результат проникновения восточных традиций.

3. В формировании современной антропонимии татар большую роль сыграли экстралингвистические факторы. В ходе исследования выявлено, что привлечение новых лексических единиц в антропонимическое пространство осуществляется по основным мотивам имяназвания, заложенным веками ранее. Проникновение антропонимических знаков русской и западной культуры прошло в несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности в лексическом, в фонетическом и структурном аспектах (появились новые сочетания звуков в составе имени, проникли акцентологические особенности и имяобразующие элементы русского языка). Под влиянием русской и западной культур имяназвание нашло новые возможности реализации.

Современная татарская антропонимия развивается в трех направлениях: во-первых, наполняясь новой семантической и функциональной нагрузкой, продолжается тюрко-татарская традиция, которая является основополагающей в развитии антропонимической системы; во-вторых, в новых направлениях развивается восточная традиция, пришедшая в татарское национальное пространство с принятием ислама; в-третьих, активизируется русская и через нее европейская традиции, впоследствии синтезирующиеся с национальными традициями имяназвания. Благодаря тому, что татарский народ сумел заимствовать и адаптировать положительные стороны разных лингвокультур, в трудные периоды исторического развития сохранилась историческая память народа и на ее основе национальные традиции укрепились и развиваются дальше. Культурные и языковые коды, которые сохраняются в памяти народа, являются решающими при возврате ранних традиций, но на каждом историческом периоде наблюдается воздействие

других дополнительных факторов и лингвокультурных традиций. В современной татарской антропонимии вышеназванные лингвокультурные традиции теснейшим образом переплелись и сформировали особую антропонимическую картину мира.

Список опубликованных работ по теме диссертации

Монографии:

1. Галиуллина Г.Р. Личные имена татар в XX веке / Г.Р. Галиуллина. – Казань: «Матбугат йорты», 2000. – 114 с. (7,4 п.л.).
2. Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г.Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 349 с. (20,46 п.л.).

Словари, учебно-методические пособия

3. Галиуллина Г.Р. Антропонимия татар г. Казани в XX веке / Г.Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 16 с.
4. Галиуллина Г.Р. Татарско-русский словарь личных имен и фамилий / Г.Ф. Саттаров, Р.Г. Ахметьянов, Ф.А. Ганиев, Г.С. Сабирзянов, К.Р. Галиуллин, Г.Р. Галиуллина. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2007. – 375 с. (27,49 п.л.).

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторской диссертации:

5. Галиуллина Г.Р. Отражение духовной культуры древних тюрок в тюрко-татарской антропонимии / Г.Р. Галиуллина // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана, Т.186. – Казань, 2006. – С. 472-480.
6. Галиуллина Г.Р. Восточные лингвокультурные традиции в антропонимической картине мира татар / Г.Р. Галиуллина // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149. Книга 4. – Казань, 2007. – С. 64-69.
7. Галиуллина Г.Р. Космологические воззрения в татарской антропонимической картине мира / Г.Р. Галиуллина // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150. Книга 2. – Казань, 2008. – С. 197-204.

8. Галиуллина Г.Р. Репрезентация лингвокультурных традиций в современной антропонимической системе татар / Г.Р. Галиуллина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. №2 (10). Серия филология. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 78-87.

9. Галиуллина Г.Р. Традиции и модернизм в функционировании заимствованных антропонимов в современном татарском языке / Г.Р. Галиуллина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. №7 (31) Серия филологические науки. – Волгоград, 2008. – С. 56-60.

10. Галиуллина Г.Р. Влияние русских и западноевропейских заимствований на фонетическую структуру татарской антропонимии / Г.Р. Галиуллина // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150. Книга 8. – Казань, 2008. – С. 90-94.

11. Галиуллина Г.Р. Функционирование антропонимов в качестве эргонимов в татарском лингвокультурном пространстве / Г.Р. Галиуллина, Р.Б. Бедертдинов // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150. Книга 8. – Казань, 2008. – С. 95-99.

Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов

12. Галиуллина Г.Р. Личные имена татар г. Казани в XX веке / Г.Р. Галиуллина // Бодуэн де Куртенэ: теоретическое наследие и современность. – Казань: Казан. ун-т, 1995. – С. 53-55.

13. Галиуллина Г.Р. Татарская антропонимия г. Казани XX века / Г.Р. Галиуллина // Ученые записки. №2. – Казань, 1997. – С. 170-173

14. Галиуллина Г.Р. Антропонимия татар г. Казани в первой четверти XX столетия / Г.Р. Галиуллина // VII Международная конференция по ономастике. – Волгоград, 1998. – С.107.

15. Галиуллина Г.Р. Генетические пласты татар антропонимии г. Казани / Г.Р. Галиуллина // Аспекты гуманитарных исследований. – Казань, 1998. – С. 103-106.

16. Галиуллина Г.Р. Основные направления развития татарской антропосистемы в XX веке / Г.Р. Галиуллина // Народы России и Татарстана: Возрождение и развитие. – Альметьевск, 2000. – С. 67-70.

17. Галиуллина Г.Р. Основные выводы историко-лингвистического исследования антропонимии татар г. Казани / Г.Р. Галиуллина // Татарский язык, литература и история – прошлое и настоящее. – Казань, 2000. – С. 219-223.

18. Галиуллина Г.Р. Рифмование личных имен в татарском языке / Г.Р. Галиуллина // Милли мәдәният. Татар государ. гуманитар.институт. – Казань, 2001. – С. 83-87 (на татар. яз.).

19. Галиуллина Г.Р. Интернациональные личные имена в современном татарском языке / Г.Р. Галиуллина // 4 научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов Республики Татарстан. – Казань, 2001. – С. 211.

20. Галиуллина Г.Р. Общественно-исторические и культурные факторы в развитии антропонимической системы татарского языка в 1920–1940 гг. XX века / Г.Р. Галиуллина // Сопоставительная филология и полилингвизм. Казань: «Школа», 2002. – С. 321-323.

21. Галиуллина Г.Р. Татарские антропонимы, образованные от этнонимов / Г.Р. Галиуллина // Язык и этнос: Материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ, 30 ноября – 2 декабря 2001 года. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 190-192.

22. Галиуллина Г.Р. Тюрко-татарский пласт в антропонимической системе современного татарского языка / Г.Р. Галиуллина // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Материалы Международной конференции. Ч. 2 – Томск, 2002. – С. 110-113.

23. Галиуллина Г.Р. Отражение фонетических законов в татарских личных именах / Г.Р. Галиуллина // Ученые записки преподавателей факультета татарской филологии и истории – 2001. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 29-32 (на татар. яз.).

24. Галиуллина Г.Р. Особенности образования антропонимов с помощью суффиксов / Г.Р. Галиуллина // Проблемы словообразования в тюркских языках. – Казань: «Фикер», 2002. – С. 196-200.

25. Галиуллина Г.Р. Особенности функционирования антропонимов в составе фразеологизмов / Г.Р. Галиуллина // Ученые записки преподавателей факультета татарской филологии и истории – 2002. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 14-17 (на татар. яз.).

26. Галиуллина Г.Р. Антропонимы – источник информации о личности / Г.Р. Галиуллина // Ученые записки преподавателей факультета татарской филологии и истории – 2003. – Казань: РИЦ «Школа», 2004. – С. 43-47 (на татар. яз.).

27. Галиуллина Г.Р. Современная антропонимическая система как отражение национального самосознания / Г.Р. Галиуллина // Проблемы региональной ономастики: Материалы 4-ой всероссийской научной конференции. – Майкоп, 2004. – С. 55-57.

28. Галиуллина Г.Р. Основные этапы развития татарской антропонимической системы / Г.Р. Галиуллина // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та. – 2005. – С. 300-302.

29. Галиуллина Г.Р. Фразеологизмы-кальки с антропонимами и их функционирование в татарском языке / Г.Р. Галиуллина // Сопоставительная

филология и полилингвизм. Материалы 2 Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: «Школа», 2005. – С. 63-65.

30. Галиуллина Г.Р. Антропонимическая картина мира в татарских народных загадках / Г.Р. Галиуллина // Ономастическое пространство и национальная культура. Материалы Международной научно-практической конференции. 14–16 сентября 2006 года. – Улан-Удэ, 2006. – С. 82-85.

31. Галиуллина Г.Р. Выбор имени новорожденному у татар: традиция и современность / Г.Р. Галиуллина // Проблемы региональной ономастики. Материалы 5 Всероссийской научной конференции. – Майкоп, 2006. – С. 75-77.

32. Галиуллина Г.Р. Антропонимы в составе некоторых фитонимов и зоонимов татарского языка / Г.Р. Галиуллина // Ономастика Поволжья: Материалы X Международной научной конференции 12–14 сентября 2006 года. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 30-33.

33. Галиуллина Г.Р. Взаимодействие культур в национальной антропонимической системе / Г.Р. Галиуллина // IV Международная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 года. – М.: РАН, РАЛН, Научный журнал «Вопросы филологии», МИИЯ, 2007. – С. 173-175.

34. Галиуллина Г.Р. Татарские имена говорят о многом / Г.Р. Галиуллина // Туган тел җаме – яшәү җаме. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – С. 10-14 (на татар. яз.).

35. Галиуллина Г.Р. Синонимы в татарских народных загадках / Г.Р. Галиуллина // И газиз туган телем! – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – С. 66-68 (на татар. яз.).

36. Галиуллина Г.Р. Некоторые фонетические особенности татарских личных имен / Г.Р. Галиуллина // Теория перевода. Типология языков. Межкультурная коммуникация: материалы III Международной научной конференции. – Москва – Казань, 2007. – С. 60-64.

37. Галиуллина Г.Р. Синтез культурных традиций в антропонимической системе татарского языка / Г.Р. Галиуллина // Казань и алтайская цивилизация: 50-я ежегодная Международная научная алтаистическая конференция (Казань, 1–6 июля, 2007): Труды и материалы. – Казань: Идель-Пресс, 2007. – С. 65-66.

38. Галиуллина Г.Р. Древнетюркские верования в антропонимической картине мира татар / Г.Р. Галиуллина // International Congress of Asian and North African Studies – 38. Icanas». Bildiri özetleri kitabı. Abstracts. – Ankara/Türkiye, 2007. – С. 534.

39. Галиуллина Г.Р. Татарская антропонимия на начальном этапе принятия ислама // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств – Электрон. журн. – М.:

МГУКИ, 2008 – № гос. регистрации 0420600016. – Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2008/Galiullina.pdf>, свободный – Загл. с экрана.

40. Galiullina G.R. Funktionieren der aus personennamen gebildeten fachwörter in der tatarischen sprache / G.R. Galiullina. – Die terminologiebildung in den finnisch-ugrischen Sprachen der Russischen Föderation (Materialien einer internationalen Konferenz). – Savariae, 2008. – С. 31-36.

41. Галиуллина Г.Р. Тюрко-татарские имена как трансляторы национальной культуры / Г.Р. Галиуллина // Ономастика Поволжья: Материалы XI Международной научной конференции (Йошкар-Ола, 16–18 сентября 2008 г.) / Мар. гос. ун-т; отв. ред. А.Н. Куклин. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 194-197.

42. Галиуллина Г.Р. Элементы тотемизма в антропонимии татар / Г.Р. Галиуллина // Имя. Социум. Культура: материалы II международной ономастической конференции (4-6 сентября 2008 года). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – С. 93-94.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ

Подписано в печать 02.02.2009. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 110 экз. Усл. печ. л. 2,75
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. 292-95-68, 292-18-09